

Я
С
У
С
К

И
Н
О
У
Э

Х
О
В
У
Х
Я

В
У
М
У
Я

Б
У
О

Ясуси Иноуэ
Хозяйка замка Ёдо

«Центрполиграф»

Иноуэ Я.

Хозяйка замка Ёдо / Я. Иноуэ — «Центрполиграф»,

Роман знаменитого японского писателя Ясуси Иноуэ (1907–1991) посвящен реальным событиям одного из самых ярких и драматических периодов японской истории. Подходит к концу XVI век. Полководец Нобунага Ода ведет борьбу за объединение разрозненных княжеств в централизованное государство, ему на смену приходит Хидэёси Тоётоми и достигает вершин власти, а после его смерти наступает черед Иэясу Токугавы – основателя новой династии сёгунов. В разгар междоусобных войн, на фоне пылающих замков, под шум кровопролитных сражений взрослеет, постигает понятия чести и долга княжна Тятя, дочь Нагамасы Асаи и племянница Нобунаги Оды. Ей предстоит стать наложницей злейшего врага клана Асаи – Тайко Хидэёси, родить ему наследника, воспитать отважного воина и проводить его в последний путь на развалинах пылающего Осакского замка.

Содержание

I	5
II	22
III	51
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Ясуси Иноуэ

Хозяйка замка Ёдо

I

На двадцать шестой день восьмой луны 1-го года правления под девизом Тэнсё¹ военачальник Нобунага Ода,² уже одержавший победу над Ёсикагэ Асакурой в краю Этидзэн, продолжил непримиримую борьбу за власть и осадил замок Нагамасы Асаи, что в местечке Одани провинции Оми, отрезав его от внешнего мира. Теперь, после смерти Асакуры, давнего соратника, Нагамасе не от кого было ждать помощи. В безудержном стремлении к безраздельному господству над страной Нобунага предал огню храмы на горе Хиэй,³ разорил монастырские сокровищницы, изгнал из Киото последнего сёгуна⁴ рода Асикага. А Исияма Хонгандзи,⁵ хоть и остался последним островком сопротивления, был не настолько могущественным, чтобы прийти на выручку своему союзнику Нагамасе Асаи.

Нобунага Ода смотрел на север из укрепленного лагеря на Торагодзэяме, смотрел туда, где стоял замок его врага, и диву давался: неужто эти крошечные башенки и есть горная твердыня Одани? Асаи, владевшие землями между его цитаделью в Гифу и киотоским двором, вечно чинили препоны честолюбивым замыслам полководца, но сейчас, взятые в кольцо, беспомощные и бессильные, угодившие в ловушку, запертые в стенах этого игрушечного замка, они наконец-то были в его руках. Нобунага не отрывал от Одани взгляда кошки, подстерегающей мышь.

Три главных строения, составлявшие крепость и ее линии обороны, четко вырисовывались на фоне лесистых склонов горы Одани. Вечернее солнце затопило багряным светом сторожевую башню, западный ветер, прилетевший с озера Бива, шумел ветвями деревьев, но ни прозрачные сумерки, ни свежее дыхание осени не взволновали душу Нобунаги – он смотрел на закат, а видел голову Нагамасы, воздетую на острие копья, и голову его отца Хисамасы Асаи. Всего месяц назад, не в воображении, а в действительности, на его, Нобунаги, копье, красовалась голова Ёсикагэ Асакуры. Ликование оттого, что враг повержен, враг, которого он обратил в бегство, преследовал и настиг наконец в дальней провинции Этидзэн, еще не забылось, еще лежало печатью на челе военачальника, тлело огоньком в глубине прищуренных глаз, чей взгляд был прикован к замку Одани. Нобунага твердо решил прибавить к голове Асакуры головы Нагамасы и Хисамасы, а потом найти какой-нибудь верный способ сохранить их до празднования Нового года, чтобы его воины могли наполнить чарки сакэ, наслаждаясь созерцанием этих трофеев.

---

¹ В Японии до сих пор используется система летосчисления по годам и девизам правления императоров. Эпоха Тэнсё началась в июле 1573-го, закончилась в декабре 1592 г. (*Здесь и далее примеч. пер.*)

² Ода Нобунага (1534–1582) – полководец, в эпоху феодальной раздробленности положивший начало объединению японских княжеств в централизованное государство.

³ Хиэй (Хиэйдзан) – гора в окрестностях Киото, оплот буддийской школы Тэндай. В VIII в. на этой горе был заложен храмовый комплекс Энрякудзи, включающий около 3000 строений.

⁴ Сёгун (сокращение от «сэйи тайсёгун» – «великий полководец, покоритель варваров») – с 1192 г. звание военных правителей Японии из феодальных кланов Минамото (1192–1333), Асикага (1335–1573) и Токугава (1603–1867). Сёгунам принадлежала фактическая власть над страной, в то время как императору отводилась чисто «декоративная» функция.

⁵ Исияма Хонгандзи – один из храмовых комплексов буддийской школы Дзёдо синёу, основанный в 1533 г. на земле Нанива (современная Осака) и принимавший активное участие в военно-политической жизни Японии; под его знаменами сражались крупные войска вооруженных монахов и крестьян.

Двадцать седьмого числа, на следующий день после начала осады, Токитиро Киносите⁶ удалось зажать в тиски палаты, примыкающие к третьему кольцу укреплений, – резиденцию отца Нагамасы. Когда два полководца клана Асаи, державшие внешнюю линию обороны, сдались, Коитиро Киносита, младший брат Токитиро, и Хамбэй Такэнака без труда проникли со своими ратниками на территорию этого рубежа.

«Стыд и позор – капитулировать в столь решительный момент» – вот и все, что сказал той ночью Нобунага, перед тем как отдать приказ обезглавить на месте двух плененных полководцев, которых Токитиро доставил в укрепленный лагерь.

Штурм продолжился на следующий день. Весь внешний пояс укреплений замка Одани был взят. В своих покоях Хисамаса Асаи незамедлительно совершил сэппуку. Хисамасе был семьдесят один год. Актер театра Но Таю Такамацу сослужил своему господину «последнюю службу»⁷ и тотчас последовал за ним, приняв смерть от собственного меча на галерее-энгаве. В последовавшей за тем жестокой битве все верные вассалы клана Асаи сложили головы, и вскоре тэнсю,⁸ резиденция Нагамасы, осталась последним оплотом сопротивления.

В ту ночь Токитиро посоветовал Нобунаге послать к Нагамасе гонца с требованием сдаться.

– Полководцы и воины, которые держат оборону в центральной башне, без сомнения, готовы дорого продать свои жизни, все до единого, посему позволю себе заметить, что нам выгоднее взять крепость миром, вынудив Нагамасу капитулировать и тем самым избежав ненужных потерь. Это в наших интересах, равно как и в интересах хозяйки Одани... – Последние слова Токитиро произнес так, будто прочел тайные мысли Нобунаги. Сам же военачальник помолчал немного и хмуро проговорил:

– Нагамаса откажется, ясно как день, однако гонца отправить все же стоит.

В тот миг его мысли обратились к младшей сестрице, которая десять лет назад сделалась женой Нагамасы и теперь находилась вместе с мужем в замке, обреченном на уничтожение. Нобунаге и раньше доводилось вспоминать о ней, но в ту пору, когда он выдавал сестру замуж, ему и на ум не приходило, что наступит день забрать ее у Асаи. Выйдя замуж, она перестала быть его сестрой.

О-Ити-но-ката, госпожа О-Ити, хозяйка Одани, супруга Нагамасы, была не единственной родственницей Нобунаги, которую постигла подобная участь. Свою родную дочь Токухимэ он выдал за Нобуясу Сабуро Окадзаки, сына и наследника Иэясу,⁹ а племянницу – за Кацумори, князя Каи. Вот так-то Нобунага поставил на службу собственному честолюбию даже членов своей семьи, вплоть до дочери и родных сестер. Но в Эпоху воюющих провинций¹⁰ воин и не мог поступить иначе. Это был единственный способ выжить: либо ты уничтожишь ближнего своего, либо ближний уничтожит тебя.

О-Ити исполнилось восемнадцать, когда старший брат устроил ее брак с Нагамасой Асаи из провинции Оми в 7-м году Эйроку.¹¹ Принимая решение о замужестве сестры, Нобунага находился на важном витке своей карьеры. Не прошло и четырех лет со дня его победы над Ёсимото Имагавой в Окэхадзамае. С тех пор он разгромил войско Тасуоки Сайто и покори

---

⁶ Киносита Токитиро – имя, под которым на самурайскую службу поступил Хиэси Киносита, будущий тайко Хидэёси Тоётоми (1536–1598).

⁷ То есть отсек ему голову после совершения обряда сэппуку – ритуального самоубийства путем вспарывания живота.

⁸ Тэнсю – в японском замке XVI–XVII вв. центральная укрепленная башня с изогнутыми, как у храмов и дворцов, крышами ярусом. В основе конструкции – каркас из бревен.

⁹ Чокугава Иэясу (1542–1616) – полководец, завершивший объединение японских земель, основатель династии сёгунов Токугава (1603 г.).

¹⁰ Эпоха воюющих провинций (Сэнгоку дзидай) – период с конца XV по конец XVI в., в течение которого в Японии шли междоусобные войны за перераспределение феодальной власти, закончившиеся созданием централизованного государства.

¹¹ 1564 г.

провинцию Мино, основал замок и город Гифу. Окончательно укрепив позиции, теперь он мог перейти к новому этапу: выступить на запад, к Киото. Замужество О-Ити, таким образом, имело стратегическое значение: оно позволило Нобунаге заключить союз с Нагамасой Асаи и тем самым открыло ему дорогу к столице. Семилетней дружбе с Асаи конец настал в 1-м году Гэнки,¹² но брачные узы сестры с хозяином Одани и так уже достаточно послужили честолюбивым замыслам Нобунаги.

Не отрывая пристального взгляда от лица Токитиро, Нобунага размышлял над сложившимся положением вещей: да, разумеется, он имеет полное право спасти свою сестру, коли предоставится такая возможность, в этом нет ничего предосудительного. И впервые со дня свадьбы образ сестренки, хорошенькой худенькой девушки, предстал перед его глазами.

В ту ночь Фува Кавати-но-ками был избран посланником. Ему в обязанность вменялось передать Нагамасе следующее извещение:

«Битва не на жизнь, а на смерть – таков обычай воинского сословия, ничто не в силах противостоять неотвратимой воле оружия. Ёсикагэ пошел против меня – и Небо покарало его смертью. К вам же, уважаемый Нагамаса, я всегда питал дружеские чувства и хотел видеть вас в числе своих союзников, более того – ближайших родственников. Вопреки нынешнему положению дел я не держу на вас зла и обещаю вам жизнь и безопасность в обмен на вашу капитуляцию. Покиньте замок по доброй воле и отрекитесь от своих владений. Мои чаяния тем самым будут удовлетворены, и, к величайшей радости, отпадет необходимость уничтожить дом Асаи».

Спустя час Фува, правитель Кавати, вернулся с ответом: Нагамаса и не думал сдаваться, однако просил дозволения переправить жену и трех дочерей в укрепленный лагерь под опеку Нобунаги. Той же ночью Фуве пришлось еще раз навеститься во вражеский стан, чтобы передать Нагамасе: Нобунага согласен уважить его просьбу относительно госпожи Одани и трех княжон.

На рассвете за паланкином возвращавшегося в лагерь Фувы, правителя Кавати, следовали еще четыре паланкина и два десятка придворных дам. Сам посланник, верный вассал Нобунаги, десять лет назад присутствовал на свадебной церемонии сестры своего господина, теперь же ему довелось поучаствовать в ее спасении.

Узнав, что четыре паланкина втайне и без происшествий покинули осажденный замок, Нобунага и бровью не повел. Ближайшие вассалы тотчас явились за распоряжениями, но военачальник ограничился тем, что приказал укрыть паланкины в рощице на опушке леса близ лагеря.

Процессию препроводили под деревья на пологий склон холма. Многочисленная свита последовала за своими хозяйками, и благородные дамы расселись на траве вокруг паланкинов.

Прибытие женщин стало своего рода сигналом к боевым действиям – вскоре начался штурм центральной башни. День напролет бушевало сражение между отрядами под предводительством Токитиро Киноситы, Нагахидэ Нивы, Кацуиэ Сибаты и осажденными воинами, которые защищались с отвагой и яростью людей, доведенных до отчаяния. Замок не сдавался. Бой кипел на подступах к внутренней крепостной стене, вот уже сгустились сумерки, а ни одному из нападавших не удалось прорваться в ее пределы. Той ночью поднялся сильный ветер, принес с собой брызги дождя, и разыгралась буря столь страшная, что сотни крестьян в окрестностях Киото остались без крова.

Утром первого дня девятой луны погода смилоствивилась, буря утихла, но по озеру Бива еще гуляли свирепые волны – их видно было с вершины холма, ставшего полем битвы. Сражение возобновилось – со смертоносным пылом и ожесточением, неслыханными накануне. В тот

---

¹² 1570 г.

день осажденное войско должно было принять последний бой, и в час Дракона¹³ ворота замка распахнулись, выпустив на волю две сотни самураев, ведомых самим Нагамасой.

Воины Киноситы и Сибаты как раз прорвались за крепостную стену с другой стороны, не обращая внимания на маневры Нагамасы и лишив его надежды вернуться в укрытие. Нагамасе ничего не оставалось, как броситься к ближайшим палатам – резиденции Акао Мимасака-но-ками. Обнаружив, что при нем осталось не более дюжины верных всадников, и осознав, что отныне часы его сочтены, Нагамаса велел поджечь палаты и выставить лучников, дабы стрелами сдержали наступление вражеских ратников, пока он будет совершать обряд сэппуку. Ему было двадцать девять лет. В пылу битвы уцелели только Асаи Ивами-но-ками и Акао Мимасака-но-ками, старые воины, слывшие надеждой и опорой дома Асаи, прочие сторонники Нагамасы были убиты или приняли смерть от своих мечей.

Все подразделения наступающего войска устремились на территорию объятого пламенем замка Одани, и до часа Быка¹⁴ победители уничтожали последних врагов. Таким образом, самоубийство отца Нагамасы, военачальника Хисамасы Кёгоку, стало началом конца могущественного клана Асаи, долгое время владевшего провинцией Оми.

А четыре паланкина, уже двое суток укрывавшиеся на опушке леса, по-прежнему стояли под деревьями, неподвижно, словно дорогие безделушки в токономе.¹⁵ Ветер, дувший с поля боя, приносил отголоски битвы. Крики и звон оружия звучали то тише, то громче, а когда буря прошла стороной и сгнула вдаль, женщины заметили, что половина неба затянута тучами невиданного черного цвета. В середине часа Быка,¹⁶ когда огонь сражения уже погас, паланкины под охраной нескольких дюжин воинов спустились по склону Тэрагодзэямы и направились на юг – берегом озера, в причудливом полумраке, под небом, почерневшим от дыма пожаров.

Той же ночью, отрядив своих приближенных за головой Нагамасы, Нобунага велел привести Асаи Ивами-но-ками и Акао Мимасака-но-ками, захваченных в плен. В свете факелов лица двух старых воинов казались багрово-красными, их черты – размытыми.

– Вы злонамеренно подстрекали Нагамасу восстать против меня, – прорычал Нобунага. – Это по вашей милости в течение долгих лет он причинял мне столько беспокойства. Ненависть, каковую питаю к вам, невообразима!

При этих словах связанный Асаи, правитель Ивами, поднял голову и ответил, с трудом сдерживая ярость:

– Князь Нагамаса, в отличие от вас, не был двуличной тварью. И смерть сегодня он принял с достоинством!

– И ты смеешь говорить о достоинстве? Ты, воин, позволивший взять себя в плен, как последний трус! – Не сдержавшись, Нобунага три раза ударил древком копья по седовласой голове правителя Ивами.

– Вот, стало быть, какова твоя месть? Бьешь связанного врага!

Не обратив на этот выкрик внимания, Нобунага повернулся к Акао Мимасака-но-ками:

– А ты? Рассказывают, что в молодости ты сражался как демон!

Не в пример своему товарищу правитель Мимасаки проявил смирение:

– Теперь я всего лишь немощный старик...

Нобунага потребовал привести сына правителя Мимасаки, Симбэя, который тоже попал живым в руки победителей.

– От тебя, старая развалина, никакого толку, так, может, твой сын на что-то сгодится?

---

¹³ Час Дракона – время с 8 до 10 часов утра.

¹⁴ Час Быка – время с 2 до 4 часов ночи.

¹⁵ Чоконома – ниша в традиционном японском доме, предназначенная для услады глаз; в ней вешают свиток с картиной или каллиграфической надписью, ставят икэбану, курильницы, шкатулки и пр.

¹⁶ В 3 часа ночи.

Акао, правитель Мимасаки, резко обернулся к Симбэю:
– Не верь князю Нобунаге, сынок! Угодишь в ловушку!
– Само собой! – расхохотался Нобунага. – Чего зря болтаешь, пустомеля? – И вдруг смех оборвался. – Казнить всех троих!

Госпожа О-Ити и три княжны были препровождены в замок Киёсу¹⁷ и поручены заботам Нобуканэ Оды. Вскоре после того был пойман наследник Нагамасы, Мандзю-мару, который бежал из отцовского замка еще раньше матери и сестер и скрывался в уезде Цуруга провинции Этидзэн. Нобунага приказал Токитиро отрубить ему голову. Мальчику было всего десять лет, но Нобунага не знал жалости. Самому младшему ребенку в семье Асаи, Икумару, не сравнялось и года; его надежно спрятали в храме соседней деревеньки, пока шла осада Одани. Там Нобунага искать не стал.

На новогодних празднествах во 2-м году Тэнсё, как и обещал самому себе Нобунага перед началом штурма Одани, ритуальные возлияния проходили в покоях, украшенных тремя трофеями – отрубленными головами Нагамасы, его отца и сына.

Когда пал замок Одани, О-Ити было двадцать семь лет, ее старшей дочери Тяте – семь; средней, Охацу, – пять; младшей, Когоо, не исполнилось и трех. О-Ити произвела на свет Мандзюмару в первый год замужества, остальных детей родила с интервалом в два года. Последнему, Икумару, в час падения дома Асаи было всего три месяца.

У Тяти остались смутные воспоминания о бегстве на паланкинах, ей казалось, будто все эти события произошли во мраке безлунной ночи – возможно, потому, что они с матерью покинули замок перед самым рассветом, в тот мгlistый час, когда в глубине садов перестаешь различать стволы деревьев. К тому же не успели дамы Асаи сесть в паланкины, как пологи опустились и уже ни разу не поднялись за всю дорогу, и нянюшка строго-настрога, с незнакомыми суровыми нотками в голосе наказала Тяте не выглядывать, не подсматривать в щелочку.

Еще Тяте вспоминались языки пламени, которые жадно тянулись к паланкинам, пока носильщики стремительно мчались сквозь огонь. На самом деле они едва ли могли оказаться так близко к очагам пожара. На рассвете, когда ветер по-прежнему щекотал ноздри запахом крови, прилетая с поля битвы, процессия двинулась напрямик на юг, по тропам меж рисовых полей.

Но в сознании Тяти бегство на паланкинах неразрывно сплелось с пламенем, которое начинало разгораться у нее на глазах. К тому времени она уже успела повидать, как пляшут на вершине горы Одани жертвенные костры – монахи из храма Эйдзан совершали свои обряды. Может статься, силуэты монахов, увиденные сквозь пелену сумрачного огня, бесновавшегося на вязанках хвороста, запечатлелись на сетчатке ее глаз, а мозг связал этот образ воедино с бегством из замка, породив мысль, будто им пришлось тогда прорываться через огненный заслон.

Каково бы ни было объяснение, именно такую картину семилетняя Тятя нарисовала и сохранила в своем воображении – картину гибели замка, в котором она родилась и провела раннее детство. Странно, но девочка совсем не печалилась об отце. Она запомнила его таким, каким видела в последний раз: воин в черных доспехах, в походной накидке из оленьей шкуры, за поясом – длинный меч в ножнах, покрытых алым лаком... Нагамаса подошел к паланкину, чтобы попрощаться с ней. Но этот образ отца никак не соотносился с его смертью. В диковинном полумраке, окутавшем в памяти девочки отбытие на паланкинах, лишь сверкающая фигура воина имела форму и цвет.

Через месяц пребывания под крышей замка Киёсу Тятя узнала из уст старого вассала Хисамасы, явившегося к ним с визитом, о причинах столь поспешного бегства. Тот же человек поведал им и о смерти Нагамасы. О-Ити, не вынеся ужасающих подробностей, разрази-

---

¹⁷ Киёсу – главный город провинции Овари, землями которой владел клан Ода.

лась рыданиями, а Тятя ничего не почувствовала – ни малейшего волнения. Она была твердо убеждена, что отцу, так же как им с матушкой и сестрицам, удалось спастись и теперь он тоже продолжает жить, но где-то далеко.

Мать, которая до сих пор при Тяте и слезинки не уронила, с того дня, как услышала рассказ о смерти мужа, взяла за правило реветь по пустякам – конечно же все от нервного напряжения. Такое настроение матери передалось и Тяте – теперь девочка нарочно хныкала по любому поводу, приводя нянек в отчаяние. Спустя две недели после того, как стали известны обстоятельства гибели Нагамасы, один из слуг, прибиравшийся в саду, сообщил госпоже Одани, что убежище юного Мандзюмару в Цуруге было раскрыто и что Токитиро Киносита казнил мальчика по приказу Нобунаги. Молва утверждала, что он изрубил тело ребенка в куски и разбросал по дорогам. Услышав об этом, О-Ити сделалась бледнее смерти, зажгла свечи на буддийском алтаре, воскурила благовония и в течение нескольких дней не покидала спальню, где укрылась вместе с дочерьми в страхе, что старший брат Нобунага придет и отберет у нее девочек, чтобы предать их той же лютой смерти.

Тятя в гибель своего брата поверила не больше, чем в самоубийство отца. Леденящие душу слухи о них казались ей сказками, пришедшими из дальних земель и не имеющими никакого отношения к ее жизни. Она даже не очень-то ясно представляла себе, что значит «изрубить в куски», зато понимала, что от этих слов у матушки разрывается сердце, поэтому запретила себе произносить их в ее присутствии.

Больше всего Тятю удручало то, что ее разлучили с Икумару, маленьким братиком, младенчиком. Она знала лишь, что два самурая, состоявших на службе у отца, отвезли малыша в безопасное место, но чувствовала: пока не то что спрашивать о нем – даже имени его произносить нельзя.

А вот к деду своему, Хисамасе, Тятя была вполне равнодушна – еще в те времена, когда жила в замке Одани. Они даже почти не разговаривали – может, оттого, что ее отец с Хисамасой не ладил. К тому же дедовы палаты стояли за пределами крепостной стены, так далеко от главного дворца, что она и встречалась-то нечасто со старым великаном. Редкий случай повидать его выпадал на праздники и церемонии, которые собирали вместе всех представителей клана Асаи. На таких торжествах старик Хисамаса, выше сына на целую голову, полный сил и пышущий здоровьем, занимал почетное место. Маленькая Тятя понимала, что этому величественному гиганту дела нет до окружающих, кем бы они ни были, и все же, несмотря на отсутствие душевной близости, которая могла бы установиться у деда с внучкой, да не установилась, она не питала к нему ни малейшей неприязни. Этот человек, подавлявший ближних своим ростом и властными манерами, казался девочке фигурой более значительной, чем ее отец Нагамаса, который вечно вступал в споры со стариком. Хищное ястребиное лицо деда, большеглазое, с горбатым носом, странным образом завораживало Тятю, всякий раз замиравшую перед ним в немом созерцании.

Много лет спустя это лицо всплыло в ее сознании с удивительной ясностью. Отцовские черты к тому времени стерлись из памяти, канули в небытие воспоминания о его смерти и жизни, полной воинских свершений, а облик деда в тот день впервые, в мельчайших подробностях, встал перед ее глазами.

Произошло это, когда Тяте было девятнадцать лет и жила она в замке Адзути. Бродячие торговцы из Синею однажды явились ко двору. Среди них был мальчик лет двенадцати-тринадцати, уроженец Синею. Звали его Сувадзю. Несколько лет назад он потерял родителей в междоусобной войне, развязанной местными даймё. По просьбе одной из дам, живших при замке, Сувадзю поделился своими воспоминаниями об этой печальной истории.

В ту пору ему сравнялось девять. Наигравшись у реки с деревенской ребятней, он вернулся домой и обнаружил ворота особняка наглухо запертыми. Подобное и раньше случалось – родители таким образом давали ему знак, что в замке произошло неладное и они ждут его

там. Знакомая тропинка, петлявшая по склону горы среди рисовых полей, на которых колося уже пошли в рост, привела его на территорию между замком и вражеским лагерем. В тот самый миг, когда Сувадзю уже рванул было к замку, воин в доспехах вырос перед ним как из-под земли, схватил мальчика за волосы и потащил за собой. Второй самурай, оказавшийся не кем иным, как родным дядей Сувадзю, подоспел вовремя. Он уложил нападавшего одним ударом меча, затем подвел ребенка к крепостной стене, поднатужился и перекинул его через стену во двор. Сувадзю перевернулся в воздухе и потерял сознание, ударившись о пыльную, утопанную землю. Придя в себя, он увидел в глубине сада седовласого воеводу – тот раздавал приказы своим воинам. Тут Сувадзю срочно понадобилось справиться малую нужду, но не успел он повернуться лицом к крепостной стене и подоткнуть полы кимоно, как извне волной хлынул боевой клич и на территорию замка пролился дождь стрел. Одна стрела срезала прядку волос на голове мальчика и со свистом вонзилась в столб на энгаве. А враги уже карабкались на стену, подбадривая друг друга воинственными выкриками. Из главного особняка выскочила женщина с мечом в руке и, оттолкнув на бегу Сувадзю, принялась рубить пальцы цеплявшихся за гребень стены захватчиков...

Бой закончился. Безголовые трупы, точно срезанные колосья, лежали на рисовых полях. Созревшие злаки, тропинка, бежавшая от замка к дому родителей Сувадзю, – все вокруг тонуло в крови.

Вот и все, что чудесным образом уцелело в памяти мальчика.

Еще он помнил, как спустя несколько дней после того боя воины в замке готовились к смерти и прощались, со слезами на глазах протягивая друг к другу руки.

На этом рассказ Сувадзю прерывался. Он не назвал замок, но от слуг, которые тоже слышали эту историю, Тятя узнала, что речь, по всей вероятности, шла о падении крепости Ханно, что в Оиго, в 12-м году Тэнсё.¹⁸

Когда паренек говорил о седовласом воеводе, перед глазами Тяти само собой возникло лицо деда Хисамасы. А вооруженная мечом женщина, как истинный самурай вступившая в бой с врагами, представилась ей в образе дедовой наложницы – сильной коренастой тетки, которая неотлучно сопровождала его везде и всюду. Конечно, завоевание маленькой крепости из рассказа Сувадзю не могло иметь ничего общего с осадой и уничтожением замка Одани – размах не тот, но его рассказ впервые в жизни породил в душе девушки чувство реальности того, что произошло с ее близкими. Впервые она задумалась о том, что отцовский замок действительно был сожжен, а отзвуки жестокой битвы не приснились ей.

Горести, которые несет с собой война, равновелики для всех и каждого, независимо от того, сколь могущественны или незначительны ее участники, и трагическая история, услышанная из уст мальчика, почти ребенка, без сомнения, глубоко взволновала Тятю, неожиданно вернула ее в собственное детство.

Но и встреча с Сувадзю, и его печальная история произойдут гораздо позже, а пока что Тятя живет в замке Киёсу. Минуло совсем мало времени после кровавой драмы, разыгравшейся в Одани, и девочка еще не способна установить связь между видением адского пламени, поглотившего отцовскую крепость, и исчезновением ее близких. Для нее смерть деда, гибель отца, слухи об изрубленном в куски старшем брате – не более чем вымысел, досужий вздор.

1-й год Тэнсё прошел быстро. Весной 2-го года О-Ити пригласила художника из Нагахамы и поручила ему написать портрет своего покойного супруга. Она хотела получить готовую работу к первой годовщине его смерти. Художник Нагамасу никогда не видел – ему предстояло руководствоваться указаниями О-Ити, сделать набросок по ее описанию, а затем уже приступить к созданию портрета. Но всякий раз, когда он приносил новый, исправленный вариант, к делу подключалась Тятя и сыпала замечаниями: то рот не похож, то у глаз не такое выражение.

¹⁸ 1583 г.

С беспримерным терпением художник метался между замком и мастерской, тащил заказчикам переделанную работу, твердо веря, что уж на сей-то раз сходство достигнуто, но беднягу день за днем отправляли обратно. За время этих творческих исканий Тятя начала догадываться, почему на портрете образ отца столь далек от того, который сохранился в ее детской душе: потому что у них с матерью остались совершенно разные представления о Нагамасе. Мать требовала запечатлеть привычный облик мужа, его знакомый ласковый взгляд, тогда как сердцу дочери был любезен тот сумрачный вид, который, бывало, напускал на себя отец в минуты дурного расположения духа.

– Ну вот что, Тятя, больше ни слова, – в конце концов не выдержала госпожа О-Ити. – Если художник будет следовать твоим советам, портрет твоего отца превратится в портрет деда.

После этого Тятя прикусила язычок и за дальнейшей работой над эскизом наблюдала в молчании. Мать была права. Единственное выражение отцовского лица, которое она, Тятя, действительно любила, он перенял от Хисамасы – выражение непреклонной воли. А мать Хисамасу ненавидела, поскольку считала его истинным виновником гибели клана.

– Если бы только твой дед не поставил во главу угла долг перед Асакурой!

В этом, по мнению госпожи Одани, и крылась причина трагедии, постигшей их семью. Девочка, конечно, не могла разобраться во всех перепитиях той истории, но чувствовала – хоть и сама не знала почему, – что ей ближе позиция деда.

Наконец портрет был завершен и поднесен вдове в начале лета. Нагамаса был изображен сидя, в высокой шапке-эбоси, указывающей на его высокое положение, и в церемониальных одеждах из черного льна. Широкий разрез глаз, разметающаяся борода затеняет дородные щеки и тонкую верхнюю губу... Это был портрет отважного и благородного воина.

– Правда же, замечательно? – восклицала О-Ити, показывая его дочерям.

Нагамаса и впрямь выглядел как живой, и Тяте впервые за долгое время почудилось, что добрый и нежный отец снова совсем рядом. Однако, взглядевшись повнимательнее, она обнаружила, что в его облике чего-то не хватает. Перед глазами встало лицо дяди Нобунаги. С тех пор как дамы из клана Асаи нашли приют под крышей Киёсу, военачальник лишь однажды нанес им визит. Все они тогда почтительно склонились перед своим властелином, и Тятя слышала, как он обратился к ее матери со скупыми словами утешения.

Несмотря на кратковременность встречи, худое лицо Нобунаги, увиденное в тот день Тятей впервые, оставило в памяти девочки яркое воспоминание. Маленькие глазки с пронзительным взглядом, крупный нос, поджатые губы, заостренный подбородок произвели на нее неизгладимое впечатление. Внутренняя сила проступала в лице военачальника куда отчетливее, чем в лице ее отца и даже деда. Неудивительно, что этот могущественный и властный человек их уничтожил.

Сравнивая портрет отца с обликом Нобунаги, глубоко врезавшимся в память, Тятя отчетливо понимала: в портрете отсутствует что-то очень важное, но никак не могла определить это «что-то». И задыхалась от разочарования, тоски и смутно закипавшего гнева. Она еще не знала, что ей самой предстоит вступить в противостояние с безжалостным военачальником, заклятым врагом и испытать при этом сложные чувства, отличные от тех, что мучили ее мать. Не знала девочка и того, что в семье она больше, чем кто-либо другой, была похожа на своего дядю.

Осенью 2-го года Тэнсё, вскоре после поминального обряда, сопровождавшего первую годовщину смерти Нагамасы и справленного тайком в покоях замка Киёсу, Тятя познакомилась с Тасуко и ее младшими братьями – Такацугу и Такатомо Кёгоку.

О-Ити, опасавшаяся, что поминальную службу по ее супругу Нобунага воспримет как вызов, действовала с особой осторожностью. Неизвестно, о чем шла речь на переговорах, однако в итоге Нобунага лично прислал ритуальные дары в память о покойном, примеру сво-

его господина последовал и Нобуканэ, хозяин Киёсу. При этом обряд был проведен в строжайшей тайне, в присутствии узкого круга посвященных. Настоятель Бодайдзи, фамильного храма Нагамасы, по всей видимости, тоже убоился гнева Нобунаги, поскольку отрядил на церемонию только двух молодых монахов, да и те тотчас удалились, едва закончив читать сутры. Странная это была церемония. Ни один из ее участников по молчаливому соглашению ни разу не упомянул имени покойного, в честь которого и совершался ритуал.

Через несколько дней после поминовения пришла весть о прибытии двух братьев и сестры из дома Кёгоку. Прослышав о том, О-Ити, сидевшая на энгаве, подняла голову, и на ее лице отразились смешанные чувства. Трое детей, родившихся от брака старшей сестры Нагамасы и воина из клана Кёгоку, приходились ей племянниками. Но отношения между домами Асаи и Кёгоку были куда сложнее тех, что устанавливаются у обычных семей, соединенных брачными узами. Род Кёгоку имел долгую и славную историю. Уроженцы провинции Оми, его представители издревле владели этими землями и в эпоху Муромати¹⁹ были первыми в четверке знатных домов, родственных сёгунам и занимавших самое высокое положение в воинской иерархии. Помимо Кёгоку, в четверку входили Ямана, Иссики и Акамацу. Случилось так, что Нагамаса в свое время убил Такаёси, отца этих детей, и захватил его владения. Таким образом, прошлое превращало Асаи и Кёгоку в заклятых врагов.

О-Ити знала, что ее племянники, наследники рода Кёгоку, ведут нищенскую жизнь в резиденции, выстроенной неподалеку от Одани, но со времен падения замка вестей от них не получала. И вдруг сегодня, год спустя после смерти Нагамасы Асаи, они хотят нанести ей визит здесь, в месте ее заточения...

– Приведите их, – бросила О-Ити человеку, известившему ее о прибытии Кёгоку, и поделилась новостью с тремя дочерьми, которые играли в саду.

Тяте нередко доводилось слышать о клане Кёгоку. О том, что он имеет определенное отношение к Асаи, девочка не догадывалась, но знала, что речь идет о семействе даймё провинции Оми, некогда знаменитом и влиятельном, а ныне пришедшем в упадок. Это имя – Кёгоку – звучало для нее как-то особенно, обладало таинственной властью, которой не было ни у одной другой благородной самурайской фамилии, оно пробуждало в ее душе уважение, смешанное со страхом и приправленное печалью, странной печалью, как будто тянешь руки к манящей вершине, понимая, что она никогда не будет достигнута.

Первым в покои, где гостей ожидала О-Ити с дочерьми – Тятей, сидевшей по правую руку от нее, и младшими девочками по левую, вошел Такацугу, юный глава семьи Кёгоку. Слегка поклонившись в знак почтения, он направился к дзабутону²⁰ в самой глубине покоев, расправил складки парадных хакама²¹ и сел, выпрямив спину, лицом к раздвинутым сёдзи,²² открывавшим вид на сад. Это был худенький красивый юноша с очень бледной кожей. Из-за высокого роста и повадки зрелого мужчины он казался старше своих двенадцати лет. Следом за ним появилась тринадцатилетняя Тасуко, ведя за собой так, словно хотела защитить, маленького Такатомо, которому было пять лет.

Тятя внимательно смотрела, как девушка проходит по циновкам и садится. У Тасуко была такая же хрупкая стройная фигурка, как у Такацугу. Усевшись, трое детей поприветствовали двоюродных сестер и тетюшку, с удивительной слаженностью и единодушием, будто по команде, опустив ладони на татами и поклонившись. Такацугу спокойно и уверенно назвал свое имя, представил сестру и брата. Тятя между тем не отрывала взгляда от Тасуко. Подобную невежливость она демонстрировала не впервые – уже давно взяла себе за правило выбирать

¹⁹ Муромати – период правления сёгунов из дома Асикага (1335–1573 гг.).

²⁰ Дзабутон – плоская подушка, которую кладут на татами.

²¹ Хакама – широкие штаны с крупными складками, элемент парадного мужского костюма.

²² Сёдзи – внешние раздвижные перегородки в традиционном японском доме, отделяющие внутреннее пространство от галереи-энгавы и представляющие собой деревянные рамы, обтянутые плотной вошеной бумагой.

на многолюдных церемониях среди присутствующих какую-нибудь особу, раздражившую ее любопытство, и не сводить с нее глаз. Тасуко в светло-зеленом кимоно с широким алым поясом сидела неподвижно, слегка склонившись вперед. Белокожие руки, полусжатые в кулачки, покоились на татами. Пряди по обеим сторонам лица были подстрижены так, что открывали щеки, сзади волосы черным блестящим потоком ниспадали до талии. Вдруг она выпрямилась, но даже не покосилась в сторону Тяти и на протяжении всей аудиенции либо опускала очи долу, либо безмятежно смотрела в сад.

Тятя же с дерзостью, совершенно непозволительной для восьмилетнего ребенка, продолжала тарашиться на кузину, преодолевая почтительный трепет, который испытывала в глубине души. Ни по происхождению, ни по воспитанию она не могла сравниться с княжной из прославленного клана Кёгоку и видела в двоюродной сестре существо высшего порядка.

Звонкий смех, какого Тятя ни разу не слышала со дня прибытия в Киёсу, внезапно фейерверком взорвался в покоях. Она наконец оторвала взгляд от кузины и уставилась на юношу, который сидел выпрямив спину и расправив плечи, как взрослый; ладони, упертые в татами, скрывались под широкими складками хакама. Взгляды детей встретились.

– Сколько же лет сейчас моей двоюродной сестрице? – сорвался с красных, как у девочки, губ Такацугу вопрос.

Вместо Тяти ответила О-Ити. Тятя пришла к выводу, что кузен у нее слишком уж любезен и ужасно хочет понравиться, не годится так себя вести наследнику благородного дома Кёгоку. Что до младшенького, Такатомо, он тихонько сидел между братом и сестрой, поглядывая вокруг с некоторым удивлением, словно впервые оказался в подобной обстановке, и тем не менее был единственным из Кёгоку, кто проявлял своего рода врожденную бесстрастность, подобающую отпрыску именитого семейства, переживающего не лучшие времена.

В тот же день все трое Кёгоку покинули замок Киёсу, коротко переговорив с тетужкой наедине. После их отъезда О-Ити сказала дочерям, что их двоюродные братья и сестра, наверное, какое-то время поживут с ними, в том же крыле замка, и что Такацугу в ближайшем будущем предстоит поступить на службу к Нобунаге Оде. По всей видимости, Такацугу именно об этом совещался с тетужкой – просил оказать ему такую милость, замолвить словечко перед военачальником. Месяц спустя юные представители дома Кёгоку переселились в Киёсу.

Летом 3-го года Тэнсё Такацугу отправился в Гифу, чтобы вступить в должность оруженосца при Нобунаге. Старые самураи, некогда верой и правдой служившие клану Кёгоку, явились выразить ему свое почтение и попрощаться. Тасуко и Такатомо присоединились к свите старшего брата. Тятя, ее матушка и благородные дамы из их окружения проводили путешественников до главных ворот замка Киёсу.

После отъезда Такацугу Тятя застала мать в слезах и спросила, что случилось.

– Дом держится на мужчине. Ах, если бы Мандзюмару был жив... – Вымолвив эти слова, госпожа Одани закрыла лицо рукавом и разразилась рыданиями. Давно она столь безутешно не плакала при дочери.

Горе О-Ити, считавшей, что надежда на возрождение ее собственной семьи потеряна безвозвратно, вырвалось наружу при виде того, как Такацугу отправляется в путь, совершая тем самым первый шаг к восстановлению дома Кёгоку, разрушение которого было в свое время делом рук Нагамасы.

– Во всем виноват злой владетель Гифу, – дерзко заявила Тятя. Слезы матери придали ей смелости.

Но О-Ити посмотрела дочери в глаза и покачала головой:

– Нельзя так говорить, дитя мое, даже во сне. Если бы господин Нобунага питал ненависть к клану Асаи, неужто дал бы приют вам, дочерям князя Нагамасы? Коли твои дед и отец мертвы, знать, судьба так распорядилась, отмерила их жизни до последнего дня. Такова наша

карма. Да и отец твой некогда разорил дом Кёгоку не из ненависти, а тоже по воле судьбы. Будь оно иначе, стали бы дети господина Такаёси нынче играть с тобой и твоими сестрами?

– Так это мой батюшка разорил дом Кёгоку?!

Новость потрясла Тяю до глубины души. Она вспомнила, как смотрели двоюродные братья и сестра на них с матушкой. Такацугу и Тасуко должны были их ненавидеть...

В это время отряд всадников галопом приблизился к стенам замка Киёсу. Самураи пустили взмыленных коней по кругу, чтобы те могли восстановить дыхание, и спешили к воротам. Похоже, происходило что-то важное. О-Ити и Тятя поспешили к главным покоям. Тем вечером они узнали, что всадники прибыли из Гифу с посланием от Нобунаги. Он собирал войско в поход на княжество Нагасино. Всю ночь на тракте горели огни факелов – к Киёсу подтягивались конные отряды с запада.

Тятя наблюдала за происходящим с угловой башни-ягуры.²³ К замку приближались воины Хидэёси Хасибэ, человека, который занял место ее отца во главе княжества Оми. Хидэёси Хасибой теперь звался Токитиро Киносита, сменивший имя после захвата крепости Одани.²⁴ Той летней ночью, до самого рассвета, в равнодушном свете звезд – драгоценных камней, сверкавших в черных глубинах небес, – девочка, испытывая странное душевное волнение, смотрела, как марширует войско, уничтожившее замок ее отца.

Все лето 3-го года Тэнсё²⁵ армия Нобунаги в союзе с силами Иэясу сражалась на землях Нагасино против самураев Кацуёри Такэды и в конце концов одержала оглушительную победу. Все старые вассалы отца Кацуёри, Сингэна Такэды, опасного врага Нобунаги, погибли на поле брани. Дом Такэда так и не смог оправиться от этого удара, а слава и могущество Нобунаги с того дня лишь преумножились. Отныне на его пути не осталось ни одного сильного противника, ибо он один за другим подчинил своей воле все влиятельные кланы, изначально отказывавшиеся признавать его превосходство, – Асакура, Асаи, а теперь вот Такэда.

Настал заключительный этап осуществления задачи, которую Нобунага давно перед собой поставил, – сосредоточить в своих руках верховную власть над всей страной. Именно ради этого он замыслил покинуть цитадель Гифу и обосноваться на горе Адзуги в провинции Оми, поближе к столичному городу Киото. О начале строительства новой цитадели было официально объявлено на праздновании Нового года.²⁶ Склоны Адзуги, высившейся на берегу озера, издавна славилась неприступностью, из тамошней крепости можно было держать под присмотром не только горные и приморские земли севера и востока, но и сам Киото, и весь Кинки,²⁷ и западные провинции Тюгоку,²⁸ и княжества на острове Сикоку. И Нобунага решил заложить там новый замок, окруженный городскими посадами.

Нагахидэ Нива был назначен главным распорядителем работ и с восходом первой луны взялся за подготовку к строительству с таким рвением, что уже в четвертом месяце мастера приступили к возведению крепости. Рабочий люд согнали из всех пяти провинций Кинки, а еще из Микавы, Овари, Мино, Исэ, Этидзэн, Вакасы; плотников набирали в Киото, Наре, Сакаи и прочих городах и краях. Камни, потребные для фундамента, доставляли с соседних гор, в дело шгодился и остов прежнего замка. Десять тысяч ратников и три дня трудов понадобилось

---

²³ Ягура – сторожевая башня японского замка.

²⁴ Государственные мужи Японии по традиции меняли имена, когда происходили важные события в их жизни и карьере. Токитиро Киносита не раз принимал другое имя. Впоследствии он стал известен как Хидэёси Тоётама.

²⁵ 1575 г.

²⁶ 1576-го.

²⁷ Кинки – район Японии между современной Осакой и Киото, включавший в себя по старому делению провинции Сэтцу, Ямасиро, Ямато, Кавати, Идзумо.

²⁸ Тюгоку – западная часть острова Хонсю, современные префектуры Окаяма, Хиросима, Ямагути, Симанэ, Тоттори.

для того, чтобы втащить на макушку холма, где суждено было высится новой цитадели, единственную неподъемную глыбу.

Созидание города и замка не мешало Нобунаге вести кровопролитные битвы. В четвертом месяце он пошел на храм-крепость Исияма Хонгандзи, стоявший на месте будущей Осаки. Пока рос и ширился Адзути, возведение которого закончилось в восьмом месяце 7-го года Тэнсё,²⁹ деятельность Нобунаги и полководцев под его началом кипела вовсю – как на строительстве цитадели, так и на многочисленных военных фронтах.

Замок Адзути, порождение непомерной гордыни Нобунаги, был огромен. Семь дзё³⁰ каменного остова тэнсю венчались семью ярусами, второй из них – покои самого военачальника – составлял девять дзё с запада на восток и более десяти дзё с севера на юг. В 6-м году Тэнсё, когда сооружение цитадели подходило к концу, воеводы были официально приглашены на празднование Нового года в новую резиденцию главнокомандующего. Два дня в недостроенном замке шли пиры и чайные церемонии. Гостей потчевали дзони³¹ и китайскими сладостями.

Госпожа О-Ити, Тятя, Охацу и Когоо между тем продолжали вести уединенную жизнь в Киёсу. Вести о бесчисленных успехах Нобунаги, однако, не обходили их стороной. Даже в дальнем крыле дворца, где они обитали, непременно обнаруживалась какая-нибудь осведомленная особа, чтобы сообщить им о победе полководца над кланом Такэда в Нагасино, о подавлении мятежа в Этидзэн, о несчетных карательных экспедициях в Кию, об усмирении Хисахидэ Мацунаги, о походе на Хариму... Из всех этих кровавых свершений Тятя удивительным образом запоминались лишь те, в которых участвовал Хидэёси Хасиба. Он получил во владение земли Нагамасы в провинции Оми, но презрел крепость Одани и выстроил себе резиденцию в трех ри³² к юго-востоку, в Имахаме, переименовав местечко в Нагахаму. Новое название отзывалось в душе Тяти и ее сестер болезненными воспоминаниями. Все поступки Хидэёси были для Тяти не более чем варварством, совершенным безжалостным победителем. Она питала к этому человеку жгучую ненависть – он лично штурмовал замок ее отца, а теперь стал хозяином его княжества. Это он схватил и изрубил в куски Мандзюмару по приказу Нобунаги!

Была у Тяти и еще одна причина проявлять интерес к Хидэёси: молва шептала, что он влюблен в ее мать, О-Ити. И словно бы в подтверждение этим слухам, осенью 5-го года Тэнсё³³ в замок Киёсу прибыл посланник от грозного полководца. Тятя тогда было одиннадцать лет.

«Прознав о том, что Тикубудзима издавна служит местом упокоения ваших предков, я озаботился защитить сей священный уголок провинции Оми от недостойных посягательств, и ныне на землях, окружающих храм, царят мир и покой. Также по моему приказу восстановлено все, что было разрушено. Приглашаю вас, госпожа О-Ити, совершить паломничество по дорогим вашему сердцу местам в сопровождении дочерей», – говорилось в послании Хидэёси Хасибы.

Чело О-Ити, выслушавшей эти слова, омрачилось, тем не менее ответила она гонцу как ни в чем не бывало:

– Я благодарна князю Хидэёси за столь любезное приглашение, однако же здоровье мое оставляет желать лучшего, посему никак не могу его принять.

Гонец удалился с отказом. А Фудзикакэ Микава-но-ками, оставшийся на службе у княжон и их матери после падения замка Одани, покачал головой:

---

²⁹ 1579 г.

³⁰ Дзё – японская мера длины, равная 3,03 м.

³¹ Дзони – суп с кусочками рисовой лепешки и овощами, традиционное новогоднее угощение.

³² Ри – японская мера длины, 3927 м.

³³ 1577 г.

– Негодяй не знает меры! Вор бессовестный! Теперь ему не терпится добавить к награбленному и ваше сердце, госпожа О-Ити.

Княгиня не вполне уразумела смысл сказанного, но дамы из ближайшего окружения вскоре сообщили ей нечто совершенно неожиданное: ходят слухи, что господин Хидэёси питает к ней нежные чувства.

Впрочем, Хидэёси, поселивший свою семью в крепости Нагаханама, мог сколько угодно вздыхать по О-Ити – она была сестрой его господина, Нобунаги Оды, и такое положение вещей не оставляло ему ни малейшей надежды. Возможно, именно поэтому платоническая любовь полководца и стала темой столь оживленных пересудов в округе. А Тятя начала находить в своем заклятом враге и смешные стороны, ведь грозный воин, принудивший к самоубийству ее отца и деда, захвативший их родовые владения, оказался вовсе не демоном, а простым смертным, не лишенным вполне человеческих слабостей.

В дальнейшем Хидэёси Хасиба еще не раз повторял попытки заманить О-Ити с дочерьми на Тикубудзиму, Бамбуковый остров. Этот самурай, совершивший головокружительное восхождение по служебной лестнице, один из лучших военачальников Оды Нобунаги, одержавший несметное число побед, был человеком небольшого роста, ни стати, ни величия в его внешности не наблюдалось... Но чем больше Тятя узнавала о нем, тем больше ее захватывала личность ненавистного врага.

В отличие от матери, она охотно наведалась бы на Тикубудзиму. Маленький островок на озере Бива, приютивший храм босацу Каннон и Бэндзайтэн,³⁴ которых почитали ее предки, дразнил воображение девочки. Она вот уже четыре года не покидала замок Киёсу и умирала от желания снова увидеть провинцию Оми, полюбоваться знакомыми с детства пейзажами.

Тятин мечта исполнилась весной 6-го года Тэнсё³⁵ самым неожиданным образом – благодаря непредвиденному визиту Такацугу Кёгоку. Юный наследник славного рода, стараниями своей тетушки поступивший на службу к Нобунаге Оде, покинул Гифу, чтобы последовать за своим господином в новую цитадель – Адзути. В Киёсу он явился по приказу Нобунаги – привез приглашение О-Ити и княжнам посетить замок, строительство которого уже подходило к концу.

Теперь Такацугу был шестнадцатилетним воином дивной красоты. Он сильно изменился за четыре года. Фамильные черты Кёгоку, унаследованные от благородных предков вкупе с природной грацией и бледностью худого лица, несли на себе отпечаток некоторой холодности. При виде кузена у Тяти на мгновение перехватило дыхание от изумления – до того он был не похож на самураев, которых ей доводилось встречать.

О-Ити и на сей раз сослалась на недомогание, чтобы отклонить приглашение брата.

– Тогда, быть может, княжны согласятся? – промолвил Такацугу.

– О, матушка, мне так хочется поехать! – не сдержалась Тятя.

– Правда? В таком случае возьми с собой Охацу. Окажите его превосходительству Нобунаге почтение вместо меня.

Через два дня Тятя и Охацу в сопровождении трех благородных дам и верного Фудзикакэ Микава-но-ками отправились в путь под охраной своего двоюродного брата и дюжины самураев. Пять паланкинов неспешно продвигались к западу, подгоняемые теплым весенним ветерком, носильщики время от времени устраивали передышки; на деревьях вдоль дороги лопались почки. Такацугу гарцевал вокруг паланкинов, и Тятя то и дело украдкой приподни-

---

³⁴ Босацу (бодхисаттва) Каннон – японский, женский, вариант бодхисаттвы Авалокитешвары, которому посвящена 25-я глава «Лотосовой сутры». Среди будд, бодхисаттв и синтоистских божеств японского пантеона Каннон занимает одно из самых почетных мест, ей поклоняются как богине милосердия. Бэндзайтэн – японское имя индийской богини Сарасвати, покровительницы воды, музыки и поэзии; в Японии она вошла в число семи богов счастья.

³⁵ 1578 г.

мала полог, чтобы полюбоваться стройной фигурой всадника, который то пускал коня вскачь, опережая процессию, то возвращался обратно.

В Оми им навстречу стали попадаться верховые отряды воинов. Путешественницы вскоре узнали, что Нобунага выступил в поход на Исияма Хонгандзи.

Великолепие цитадели Адзути поразило Тятю и Охацу, привыкших к сумрачной сдержанности и строгости Киёсу. Город, раскинувшийся на равнине и в предгорье, у подножия замка, процветал. В нем царило обычное оживление – обитатели будто бы и не заметили, что их господин отбыл на войну. Мужчины и женщины, разодетые по столичной моде, прогуливались по улицам и проспектам, вдоль которых выстроились тысячи новеньких домов. Замок лихо оседлал гору Адзути, крепостные стены опоясали ее с вершины до середины склонов, семь ярусов главной башни один над другим возносились к чистому, прозрачному небу, которое отражалось в озере Бива. Позолоченная черепица ослепительно сверкала в лучах весеннего заходящего солнца; на шпиле, венчавшем последний, седьмой ярус, полыхал золотым огнем сказочный дельфин. Молва о том, что замок Адзути не знает себе равных, не солгала, но он оказался еще огромней и величественней, чем можно было вообразить.

В пределы крепостных стен Тятя и Охацу допущены не были – им отвели покои в храме возле лotosового пруда на западном склоне горы. Княжны проделали долгий путь нарочно для того, чтобы осмотреть замок, но в отсутствие Нобунаги его приближенные предпочли держать их подальше от святой святых. Разумеется, девочки были родными племянницами хозяина, но кое-кто видел в них дочерей и наследниц его врага.

Два дня сестры провели у подножия замка, а на третий, в сопровождении той же свиты, решили навестить в храм на Тикубудзуме, Бамбуковом острове. Путь туда лежал через Нагахаму, и мысль о том, что придется пересечь земли Хидэёси, была отвратительна Тяте. Однако, прослышав, что князь Оми тоже пошел воевать Хонгандзи, девочка немного успокоилась. В конце концов, некогда этими угодами владел ее отец, и каждое деревце, каждая былинка будут пробуждать в ее душе сладостные воспоминания...

К вечеру второго дня путешествия процессия прибыла в деревеньку, что стояла в двух рю от замка Нагахамы. Дальше нужно было плыть на лодке. Тятя и Охацу, опасавшиеся морской болезни, тотчас опустили на ложе, приготовленное на дне посуды, и проспали до рассвета, а пробудившись, увидели прибрежные рифы Бамбукового острова. Швартовы крепко держали лодку, и вскоре обе княжны уже поднимались, время от времени останавливаясь передохнуть, по каменной лестнице к храму на вершине скалистого острова. Там они заночевали, а на следующий день снова был поднят парус, и лодка заскользила к деревушке, из которой они отплыли две ночи назад. Погода стояла ясная, и на этот раз около полудня княжнам удалось рассмотреть вдаль, на другом берегу озера Бива, замок Нагахамы.

Пока Тятя пристально вглядывалась в ту сторону, Фудзикакэ задумчиво проговорил:

– Все как прежде. Гора Ибуки, облака над вершиной...

– И только этот замок портит вид, – буркнула Тятя.

Фудзикакэ поспешно сделал ей знак замолчать и пожурил:

– Что за неразумные речи, барышня!

Сидевший рядом Такацугу притворился, будто ничего не слышал.

О чем он думал в тот момент? – гадала Тятя. Ведь кузен наверняка должен ненавидеть род Асаи точно так же, как она ненавидит Хидэёси, и в прежние времена он с такой же неприязнью должен был смотреть на замок Одани, с какой сейчас она, Тятя, смотрит на Нагахаму. Вдруг девочка почувствовала на себе взгляд, украдкой брошенный Такацугу, и у нее невольно вырвалось:

– Когда-то эти земли принадлежали Асаи, а еще раньше – Кёгоку, да?

Она хотела польстить двоюродному брату, но, едва эти слова слетели с губ, разозлилась на себя за то, что стремится завоевать расположение наследника могущественного рода, пусть и пришедшего ныне в упадок.

Однако Такацугу, который сидел, в соответствии с правилами приличия прижав ладони к коленям, равнодушно произнес:

– Эти земли не принадлежат никому. Кланам Асаи и Кёгоку они были дарованы лишь во временное владение.

Точно так же ими сейчас владеет господин Хасиба.

Тятя взглядела в бесстрастное лицо кузена и любопытствовала:

– Кем же они были дарованы?

– Господом, – просто ответил Такацугу.

Для Тяти было новостью узнать, что в этой стране чем-то распоряжается какой-то «господь». Она не поняла смысла ответа.

– Значит, вы не питаете ненависти к тем, кто уничтожил ваш клан? – осторожно спросила девочка.

– Княжна! – охнул Фудзикакэ и быстро огляделся – нет ли поблизости чужих ушей.

– Меня учили не питать ненависти к людям, – сказал Такацугу тоном хорошо образованного и воспитанного молодого человека.

– Кто же вас учил? – не унималась Тятя.

– Господь наш Иисус.

Имя этого иноземного бога Тятя уже слышала, но не знала, что он учит таким вещам. Внезапно все ее естество взбунтовалось против кузена, она начала пронзительно смеяться и смеялась до тех пор, пока Охацу не воскликнула:

– Сестрица, вы ведете себя странно!

Тятя с трудом напустила на себя серьезный вид, но одного взгляда на невозмутимый профиль Такацугу ей было достаточно, чтобы снова прыснуть от смеха.

По возвращении в Киёсу Охацу рассказала старшей сестре, что их двоюродный брат перенял христианскую веру у португальских миссионеров.

– А я вот ни за что не стану католичкой, – добавила она с глубочайшим презрением.

– Братец обратился в эту веру, потому что его клан уничтожили. Иначе ему пришлось бы ненавидеть слишком много людей, – встала на защиту кузена Тятя. – Когда начинаешь кого-нибудь ненавидеть, дело заканчивается тем, что уже весь мир вызывает у тебя ненависть!

В седьмом месяце следующего года Тятя и Охацу снова отправились в замок Адзути, строительство которого было наконец завершено. Верная себе О-Ити в очередной раз отклонила приглашение Нобунаги и выслала вместо себя дочерей.

Знатные самураи съезжались со всех концов страны полюбоваться новой цитаделью.

Удзисато Гамоо, воеводе двадцати трех лет на службе у Нобунаги Оды, было поручено провести племянниц хозяина по крепости. Княжны посетили центральный дворец, резиденцию дяди, и бесчисленные пристройки, но главной достопримечательностью была семярусная укрепленная башня-тэнсю. На втором ярусе располагались зал приемов, покои, в которых Нобунага уединялся для решения задач государственной важности, и множество гостиных. Стенные панели и створчатые ширмы там были украшены чудесными росписями на позолоченном фоне, рамы фусума³⁶ покрыты черным лаком, а потолки и опорные столбы – узорами, в которых сочетались зеленый, желтый, красный, черный и белый цвета. Живописное убранство покоев третьего яруса состояло из искусных изображений цветов, птиц, отшельников и лошадей. Четвертый ярус был отведен драконам и фениксам. На пятом никаких произведений искусства не имелось. На галерее шестого столбы блистали алым лаком, а во внутренних поме-

---

³⁶ Фусума – раздвижные перегородки между залами.

щениях опоры, снизу доверху золоченые, несли на себе лики десяти последователей Будды и картины, запечатлевшие этапы пути Учителя к просветлению. Седьмой же, последний, ярус был вызолочен вдоль и поперек, а на опорных столбах, потолке и стенных панелях с величайшим тщанием выписаны драконы, древние правители и правительницы, а также десять учеников Конфуция. Замок, ко всему прочему, имел цельностальные ворота, получившие название Врата Черного Золота, а участки стен около них были двойной каменной кладки.

На подступах к замку с утра до ночи царило оживление. Каждый день мерялись силой борцы сумо, а по вечерам устраивались огненные потехи.

После осмотра крепости Тятя удостоилась аудиенции в церемониальных покоях дворца. Гордился ли Нобунага красотой племянницы и по этой ли причине хотел представить ее своим приближенным – кто знает. Так или иначе, аудиенция проходила в присутствии изрядного числа высокопоставленных воинов. Все приветствовали Тятю с почтением, на которое вправе рассчитывать племянница верховного правителя, и только Удзисато Гамоо, тот самый, кому было поручено показать княжнам замок, держался совсем по-другому. Этот молодой круглолицый самурай, высокий ростом, статный и дородный, взглянул на девушку как на давнюю знакомую и непринужденно осведомился, не слишком ли утомила ее прогулка по крепости. В его поведении не чувствовалось ни высокомерия, ни дерзости, и в то же время в нем недоставало той придворной учтивости, какую неизменно проявляли по отношению к княжне Асаи все прочие воины. Тяте с детства было знакомо имя Гамоо – его носил влиятельный клан из провинции Оми. И теперь представитель этого клана стал единственным человеком, перед кем Тятя невольно опускала глаза. Она и сама не знала, почему робеет в присутствии Удзисато – возможно, оттого, что он принадлежал к прославленному роду, который прошел через все междоусобицы Эпохи воюющих провинций и ни разу не пустил захватчиков на свои земли. Когда Удзисато удалился, мастер чайной церемонии, сидевший рядом с Тятей, шепнул ей, что среди молодых воинов из окружения Нобунаги этот подает самые большие надежды.

– Господин Гамоо блестяще управляет городом и замком Хино. Говорят, что людям в его владениях сейчас живется куда лучше, чем раньше. Человек с такими способностями далеко пойдет – ему обеспечены самые высокие посты.

Через три дня после Тяятиного прибытия настало время праздника Бон.³⁷ Нобунага, любивший жить на широкую ногу, велел украсить по этому случаю замок, город и гору Адзуги фонариками, сделанными по образу поминальных даров, которые были поднесены некогда духу его предка Удзи Оды и хранились в просторных покоях семейного храма. Зрелище вышло дивной красоты, и насладиться им смогла не только знать, но и все горожане, включая купцов и ремесленников.

Когда стало смеркаться, жители города выстроились в ряды на улицах у подножия замка и с наступлением часа Пса³⁸ дружно зажгли факелы, которые все как один держали в руках. Факелы были начинены порохом, затрещали фейерверки, и вскоре тем, кто глядел на город с вершины горы, из замка, стало казаться, будто улицы обратились в пламенеющие реки. На каждом перекрестке петарды вторили сполохам потешных огней в небесной выси, молодые самураи в парадном облачении гарцевали в искрящемся вихре.

Тятя любовалась празднеством, стоя у ворот особняка одного знатного воина на вершине невеликого холма, нависающего над городом, – туда препроводил ее Удзисато. Мимо них проносились галопом отряды высокородных всадников, спешивших присоединиться к народному гулянию. Силуэты юных воинов то выныривали из моря огня, то уходили в него с головой – Тятя глаз не могла отвести от столь дивной картины. Один из отрядов возглавлял Такацугу

---

³⁷ Бон (Урабон, от санскр. улламбана) – день поминовения усопших, буддийский праздник, который отмечается по лунному календарю с 13-го по 15-й день седьмого месяца.

³⁸ Час Пса – время с 20.00 до 22.00.

Кёгоку. Она не узнала его – это Удзисато указал ей на присутствие кузена. Даже когда отряд повернул назад и снова промчался мимо во весь опор, Тяте не удалось разглядеть Такацугу во мраке ночи.

К часу Свиньи³⁹ праздник огня в городе закончился, и толпа хлынула к подножию горы. Конная стража дозволила пустить в опоясывающий Адзути ров, заполненный озерной водой, лодки с фонариками. Тысячи людей пришли посмотреть на алые капли пламени, рассеянные по водной глади. А высоко над головами в небе парили семь ярусов главной башни, и внешние галереи каждого из них были увешаны фонариками, в которых волновались на ветру огненные язычки. Радостный гомон и восторженные восклицания не смолкали на подступах к замку до рассвета.

Той ночью Тятя и Охацу удостоились чести побывать на пиру, устроенном в зале приемов на втором ярусе тэнсю. Поскольку это была не официальная церемония, гости, не стесненные законами этикета, расселись на внешней галерее, кто где хотел, и услаждали взор разворачивавшимся у основания горы действием.

Тятя чувствовала себя неловко в присутствии Такацугу – тот сидел в одиночестве в нескольких кэнах⁴⁰ от нее. Девочка не знала, дозволяется ли правилами приличия первой обратиться к нему, и потому помалкивала, смущаясь и робея своего блестящего окружения. Удзисато, расположившийся подле нее, сказал – ласково и совсем по-дружески:

– Когда вернетесь в Киёсу, не забудьте описать этот чудесный вечер своей матушке.

Судя по всему, он и правда находил удовольствие в том, что происходило вокруг. Свет фонариков, развешанных под стропилами, падал на его лицо, несущее отпечаток беспечного спокойствия. В тот момент, глядя на Удзисато, трудно было поверить, что этот молодой воевода уже успел отличиться не в одном сражении. Лицо же Такацугу, маячившее чуть вдалеке, было, напротив, отмечено странной суровостью, как показалось Тяте. Ощущение жестокой силы, исходившее от него, совсем не вязалось со сдержанной христианской верой.

На следующий день Тятя снова наведлась в замок, но и в этот раз у нее не было возможности обменяться с двоюродным братом хоть одним словечком.

---

³⁹ Час Свиньи – время с 22.00 до полуночи.

⁴⁰ Кэн – японская мера длины, 1,81 м.

II

Еще три года, проведенные Тятей в замке Киёсу в компании матушки и сестер, прошли тихо и мирно, не ознаменовались событиями.

Первый день 10-го года Тэнсё⁴¹ принес с собой бурю, гулявшую с самого рассвета по землям Овари и Микавы. О-Ити и три ее дочери отпраздновали Новый год традиционным дзони, опасливо прислушиваясь к реву ветра, сотрясавшего крепостные стены. О-Ити было тридцать шесть лет, Тяте шестнадцать, Охацу четырнадцать, а Когоо двенадцать.

О-Ити пребывала во власти смутного беспокойства. Одна дама из ее свиты сообщила, что видела целый табун боевых коней, согнанных к главным воротам замка. «Не иначе, новая война затевается», – покачала головой О-Ити, и все зашумели, наперебой выдвигая предположения и теряясь в догадках. С кем на этот раз предстоит биться? С кланом Такэда из провинции Каи? Или же Нобунага Ода поведет союзные войска в Хариму?

На ущербе первой луны даже четыре узницы женской половины, живущие замкнуто в своих покоях, стали замечать, что брожение в военной среде усилилось. Прошел месяц, и они узнали, что Нобутада, сын и наследник Нобунаги, был назначен главнокомандующим отцовским войском и выступил в поход на княжество Синано в провинции Каи.

С середины второй луны воинские барабаны уже не смолкали в Киёсу, без устали возвещая об отбытии все новых и новых подразделений. Сборы каждый раз занимали не менее пяти дней, и на это время в замке воцарялись превеликое волнение и суматоха, но стоило воинам ступить за ворота, как вновь восстанавливалось спокойствие, будто угасал огонь в очаге.

Вскоре до замка долетели слухи о том, что клан Такэда разбит на голову, а Кацуёри Такэда и его сын казнены. Следом подоспела весть о победе Хидэёси Хасибы – он взял крепость Камуруяма в провинции Кибэ.

Новости о триумфальном шествии армии Нобунаги Оды по мятежным землям множились, а О-Ити все мрачнела, особенно это было заметно на фоне всеобщего ликования. Вспоминала ли она былые сражения, печалилась ли о падении замка Одани – кто знает, а Тятя с Охацу и внимания-то не обратили, в каком настроении пребывает мать. Они по-прежнему радовались жизни и столь беззаботно резвились, что однажды О-Ити не выдержала:

– Тятя, что за крики? А ты, Охацу, почему позволяешь себе так неприлично хихикать?

Смех у Тяти и правда был звонкий, оглушительный. Даже если она пыталась сдержаться, веселье все равно прорывалось наружу, извергалось шумным водопадом, а Охацу вторила ей, заливаясь серебряным колокольчиком. Самой тихой из трех сестер была, несомненно, Когоо, которая не смеялась никогда. Эта угрюмая, молчаливая девочка, с извечным удивлением взиравшая на забавы сестриц, единственная среди детей Асаи унаследовала заурядные черты отца, отмеченные хмурым недовольством. Ослепительная красота Тяти и Охацу конечно же затмевала неброскую внешность Когоо.

Однажды летним днем, на рассвете, О-Ити в ночном платье, словно обезумевшая, ворвалась в спальню дочерей и разбудила всех троих. Присев подле их футонов, она шепотом проговорила:

– Не удивляйтесь тому, что я сейчас скажу. Наш господин мертв!

Смысл этих слов дошел до Тяти не сразу.

– Он попал в засаду, устроенную Мицухидэ Акэти, и был принужден совершить самоубийство вчера вечером в Киото.

Теперь Тятя уже не сомневалась: ее дяди, Нобунаги Оды, больше нет. И все же она не понимала, почему мать так потрясена смертью старшего брата, который в общем-то никогда

---

⁴¹ 1582 г.

не вызывал у нее теплых чувств. Разумеется, Тятя и сама ощутила некоторое беспокойство – ведь неизвестно, что будет с ними со всеми теперь, когда их покровителя не стало, – однако девочка ни на миг не забывала о том, что этот человек был заклятым врагом Асаи, ведь он убил ее отца, уничтожил ее клан!

– Значит, господин Нобунага мертв? – Тятя не решилась добавить, что это воистину кара небесная, но демонстрировать скорбь она тоже не собиралась и не испытывала ни малейшего душевного трепета. Просто настал момент, которого она долго ждала. Ей подумалось, что Нобунагу, убийцу Асаи, только что постигла та самая участь, своего рода месть судьбы, не пощадившая в свое время и ее родного отца, который разорил клан Кёгоку.

Охацу и Когоо, во все глаза глядевшие на мать, тоже, судя по всему, были потрясены неожиданной вестью.

– Бедный господин! – воскликнула О-Ити и, бросившись на фuton, разрыдалась.

Тятя пребывала в недоумении: десять лет назад матушка столь же горько оплакивала смерть своего мужа, как может она теперь так убиваться по его палачу? Неужели причиной всему родственные чувства?

– Придет день, и Мицухидэ Акэти, убийцу господина Нобунаги, тоже настигнет предательский удар. История опять повторится.

– Тятя! Какая стойкость перед лицом судьбы! – О-Ити подняла на дочь заплаканные глаза. В них читался страх.

– Но ведь именно так и бывает, матушка! Господин Нобунага – убийца моего отца!

– Смерть от меча – удел всех воинов, ничего тут не поделаешь. Я всегда буду помнить о том, кто повинен в гибели твоего отца, но и ты не забывай, что лишь благодаря милости господина Нобунаги мне и вам сохранена жизнь и что до сего дня мы пребывали в безопасности на его земле.

Прошедшие годы, судя по всему, смягчили сердце О-Ити, но и Тятя изменилась. Не сдержавшись, она выпалила матери в лицо:

– Так вы, стало быть, из чувства благодарности хлопотали перед своим старшим братом за Такацугу Кёгоку? Или устроили моего кузена на службу из чувства вины?

Девушка и сама не понимала, что заставило ее произнести эти слова. С одной стороны, она сторала от ненависти к родному дяде, с другой – от лица двоюродного брата бросала обвинение собственному клану Асаи, причинившему столько зла Кёгоку.

На заре в замке Киёсу поднялась суматоха – долетели слухи, что не сегодня завтра войско Акэти пойдет на приступ. Тятя в тот день два раза поднималась на сторожевую башню, вглядывалась в даль – там, на тракте, мчались к неведомой цели всадники, шли куда-то пешие отряды, в каждом – от силы по два десятка ратников. Серое низкое небо над равниной набухало дождем.

Не заставила себя ждать еще одна новость: о смуте вокруг замка Адзути. Молва шумела на все лады, но поручиться за достоверность сведений никто не мог. Говорили, будто войско Мицухидэ Акэти захватило цитадель Нобунаги, жестокие сражения идут в Сэтабаси, столица Киото полыхает огнем и тонет в крови...

Но больше всего Тятю поразил слух о том, что Такацугу присоединился к мятежникам, возглавляемым Мицухидэ Акэти, собрал всех старых вассалов клана Кёгоку и осадил замок Нагахамы, резиденцию Хидэёси. И это была единственная новость, в достоверности которой не приходилось сомневаться, поскольку принес ее Фудзикакэ Микава-но-ками. Значит, Такацугу с Нагаскэ Абэ и другими верными соратниками действительно взял штурмом Нагахаму, где не было никого, кроме жены и детей Хидэёси да малочисленного гарнизона...

Выслушав Фудзикакэ, Тятя заметно побледнела – это она-то, и глазом не моргнувшая, когда ее известили о смерти дяди! «Такацугу сам себя погубил, – с ужасом подумала девушка, – он сделал роковую ошибку, которая лишит его будущего». В ту пору смуты и сумятицы никто

еще не знал, сумеет ли Хидэёси взять власть в свои руки или же его оттеснят в сторону наследники Нобунаги, но Тятя уже тогда могла поклясться, что Такацугу ступил на неверный путь.

В основе ее уверенности лежало внезапное открытие: оказывается, Такацугу совсем не таков, каким она себе его представляла. Это был уже не тот Такацугу, который принял христианскую веру и, сидя в лодке, возвращавшейся с Тикубудзимы, говорил о том, что нельзя питать ненависти к людям. Нет, теперь перед Тятей предстал коварный хищник, воспользовавшийся беспорядками, которые последовали за смертью Нобунаги, чтобы отвоевать потерянные семейные владения.

Вера Такацугу изначально служила одной-единственной цели: спасти его от мыслей о мести. Это было очевидно. Он обратился к иноземной религии для того, чтобы выжить и при этом не нанести урона собственной гордости – гордости потомка благородных Кёгоку. А в суматохе, вызванной гибелью верховного властелина, горячая кровь воина вскипела, и уже ничто не могло ее остудить – Такацугу соблазнился блестящей возможностью возродить свой клан, вернуть ему былое могущество. Будь Тятя мужчиной, ее обуял бы тот же порыв. Понимая все это, она тем не менее считала, что двоюродный брат поторопился. Горячность молодого воина бросала тень на его поступки, такое поведение, говорила себе Тятя, не подобает наследнику славного дома Кёгоку.

Размышляя об этом, девушка гуляла по саду на задворках замка в полном одиночестве – туда редко кто забредал. Ей вспомнилась мужественная красота всадников, гарцевавших у подножия Адзути на празднике огня, и непроницаемое лицо Такацугу на пиру той же ночью. Пытаясь разобраться в себе самой, Тятя одно за другим восстанавливала в памяти все разнообразие чувств, которые вызывал у нее двоюродный брат. Припомнила негодование, охватившее ее, когда он говорил о своей вере на лодке, плывущей от Тикубудзимы, Бамбукового острова... Да, сомневаться не приходилось: она не желала видеть его таким – смирившимся и всепрощающим, и приступ истерического презрительного смеха случился с ней потому, что в тот момент ей показалось, будто брат предал ее надежды и ожидания. Нынешний Такацугу – гордый, жестокий, исполненный решимости – нравился Тяте куда больше. И все же она находила его поступок преждевременным.

В тот день Тятя наконец-то осознала, что с детских лет в ее сердце жила одна мечта: вступить в союз с Такацугу и вместе отвоевать свои наследные земли Оми. На этих землях, издревле принадлежавших Кёгоку и Асаи, они построят замок и будут жить в нем долго и счастливо. И в том нет ничего невозможного, все, что нужно, – дождаться благоприятного момента... Сегодня ее мечта обратилась в прах.

Спустя какое-то время ушей Тяти достигли слухи о другом небезызвестном ей самурае – Удзисато Гамоо, молодом воеводе, который служил проводником двум юным княжнам, впервые посетившим замок Адзути несколько лет назад. На период своего отсутствия Нобунага поручил охрану цитадели отцу этого самурая, Катахидэ Гамоо, и тот, едва лишь распространились вести о заговоре, стоившем жизни его господину, незамедлительно укрылся в собственном замке в Хино, взяв с собой супругу и детей Нобунаги. При этом отец и сын Гамоо отказались заключить военный союз с Хидэёси. Чуть позже Тятя услышала, что войско Акэти уже держит путь к Хино, чтобы уничтожить клан Гамоо. Так-то вот: реакция Удзисато и его отца оказалась прямо противоположной тому, как повел себя Такацугу. Гамоо, похоже, выбрали для себя правое дело. И снова Тятя, как нередко в былые времена, сравнила в уме двух молодых воинов, ныне оказавшихся по разные стороны поля брани.

«Поведение господина Катахидэ и сына его Удзисато заслуживает всяческих похвал. Что и говорить – истинные воины, достойные того, чтобы доверить им охрану замку!» – заявил однажды Фудзикакэ, неустанно превозносивший добродетели представителей клана Гамоо. И Тятя была с ним совершенно согласна. Но с тех пор вести о хозяевах Хино перестали поступать. Не приходилось сомневаться, что Удзисато попал в положение куда более опасное по

сравнению с Такацугу, и судьба его вызывала беспокойство. Едва ли маленькая крепость Хино устоит под натиском войска Акэти, если тому придет в голову бросить на нее все силы.

В течение десяти дней на замок Киёсу градом сыпались новости, сколь неясные, столь же и тревожные, о положении дел в Киото. О-Ити с дочерьми спешно предприняли приготовления к тому, чтобы в любой момент можно было покинуть замок. Но вскоре в Киёсу один за другим начали прибывать гонцы, во весь опор пронесившиеся через главные ворота, с утешительными сообщениями: сражение при Ямадзаки, оглушительная победа Хидэёси над Мицухидэ Акэти и, наконец, смерть главного врага.

В стенах Киёсу мало-помалу восстанавливалось спокойствие.

Через несколько дней после битвы при Ямадзаки Тятя услышала о том, что Хидэёси отвоевал свой замок Нагаханама, однако убит ли Такацугу в сражении или же сумел спастись бегством, было неизвестно. Еще какое-то время спустя Тятя узнала, что цитадель Адзути, захваченная кланом Акэти, сожжена дотла. Воображение тотчас нарисовало мрачную картину: величественная башня о семи ярусах и могучие крепостные стены обращаются в угли... Это видение, символ тщеты всех свершений Нобунаги, слилось в сознании девушки с призрачным праздником огня.

На женской половине замка Киёсу О-Ити и три ее дочери, забытые миром, отданные отныне во власть тревог и страхов, продолжали вести уединенное существование. Пока не сложил голову Мицухидэ Акэти, сообщения извне поступали к ним бесперебойно, теперь же они пребывали в полном неведении о новом правительстве, созданном Хидэёси.

В ночь на одиннадцатое число шестого месяца, то бишь через девять дней после событий в Хоннодзи, стойвших жизни Нобунаге, Вступивший на Путь⁴² Гэнъи Маэда, верный вассал Нобутады Оды, доставил из Гифу внука Нобунаги, маленького Самбосимару, в ту пору двух лет от роду. Здесь, в Киёсу, мальчик был в безопасности. Нобутада, старший сын и прямой наследник Нобунаги, тоже нашел смерть в ночь бунта Мицухидэ Акэти, и Самбосимару, несмотря на нежный возраст, суждено было принять титул главы клана Ода. Замок Киёсу и правда мог послужить ему более надежным убежищем, чем крепость Гифу, которая после уничтожения Адзути стала стратегическим центром клана Ода. О-Ити и ее дочерям, впрочем, так и не удалось повидать высокопоставленного малыша, они и узнали-то о его прибытии лишь благодаря дамам из своего окружения – официально известить их об этом никто не озаботился.

Пару дней спустя после того, как привезли юного Самбосимару, в замок Киёсу в сопровождении нескольких воинов торжественно вступил Кацуиэ Сибата, слывший одним из самых влиятельных и верных вассалов клана Ода. Когда распространились слухи о событиях в Хоннодзи, этот военачальник на службе у Нобунаги сражался в западных землях против Кагэацу Уэсуги. Он не мешкая перепоручил командование своим приближенным и помчался обратно в Киото, но, получив в пути донесение о битве при Ямадзаки, спешно повернул к Киёсу. С появлением Кацуиэ Сибаты замок заходил ходуном. И Тятя, и ее матушка, которые, покидая свои покои, неизменно бросали взгляд на главное крыло замка, находившееся по ту сторону сада, видели, что его обитатели пребывают в постоянном движении, туда-сюда в великой спешке снуют незнакомые самураи и воеводы. Но никто из этих людей не показывался на женской половине. В ту смутную пору ни у кого не было времени беспокоиться о судьбе сестры покойного Нобунаги Оды и его племянниц. Даже Фудзикакэ Микава-но-ками, до того прилежно державший их в курсе событий за стенами Киёсу, положил конец своим визитам, сочтя затруднительным навещать в женские покои теперь, когда по замку толпами расхаживали вооруженные воины. О-Ити и три княжны, таким образом, оказались отрезанными от внешнего мира. О том, что творится за воротами, им оставалось только гадать.

---

⁴² Вступивший на Путь – человек, принявший буддийские обеты, но продолжающий исполнять светские обязанности.

В конце шестого месяца в Киёсу явился сам Хидэёси Хасиба. Одержав победу при Ямадзаки, он первым делом наведлся в Адзуги – оценить обстановку после сожжения цитадели, затем поскакал в Гифу, собрал заложников в семьях своих вассалов⁴³ и отвез их в Нагахаму, доверив охрану крепости Гифу Хидэмасе Хори. Принявши все эти меры особой важности, что давало ему возможность в дальнейшем держать ситуацию под контролем, Хидэёси отправился в Киёсу повидать Самбосимару. Со времен событий в Хоннодзи полководец совершил ряд деяний, заслуживающих восхищения, и притом из каждой передраги выкручивался своими силами, без посторонней помощи, раз за разом выходя победителем.

В том, что Хидэёси Хасиба, как верный вассал, решил нанести визит в Киёсу, дабы засвидетельствовать свое почтение новому главе дома Ода, не было ничего необычного, однако приготовления к его приезду прошли в замке с не подобающим случаем размахом. Не успев запыхавшийся гонец известить обитателей Киёсу о намерениях полководца, все, вплоть до последних челядинцев, изменились в лице и засуетились по углам, садовники бросились приводить в порядок внутренние сады, стражники вытянулись во фронт у всех въездных ворот – короче, рвения было проявлено ровно столько же, как если бы хозяину Киёсу предстояло принимать у себя самого покойного господина Нобунагу.

От одной дамы из своего окружения Тятя узнала, что в замке ждут Хидэёси Хасибу, но матери о том ни словом не обмолвилась.

Хидэёси прибыл в полдень, в час невыносимого зноя, а с наступлением сумерек без предупреждения вошел во внутренний садик покоев О-Ити, которая в то время находилась в гостиной. Ее дочери сидели на энгаве, наслаждаясь вечерней прохладой.

Тятя первой заметила незнакомого воина – тот наклонился, проходя в сад под ветками фруктовых деревьев. Она сразу поняла, что этот невысокий сухопарый мужчина, сопровождаемый несколькими вассалами, не кто иной, как Хидэёси Хасиба. Все еще слегка сутулясь, полководец приблизился к девушкам и обратился к ним со словами:

– А вы здорово подросли, княжны!

Особой учтивости в тоне не было, но и высокомерие отсутствовало. Тятя в тишине встала на энгаве и взгляделась в смуглое худое лицо воина, чей возраст уже перевалил за сорок пять. Лишь глаза на этом лице сохранили сияние юности.

– Где же ваша матушка? – снова прозвучал бас Хидэёси.

– Матушке нездоровится, она не покидает своих покоев, – ответила Тятя дрожащим голосом.

– Неужели? Весьма прискорбно. Если ей что-то понадобится, непременно сообщите мне об этом. И прошу, передайте госпоже О-Ити, что Хидэёси Хасиба, прибывший сегодня днем, хотел засвидетельствовать ей свое почтение. – Он наконец отвел глаза от Тяти и пробежался взглядом по саду. – Здесь, на западной стороне, вас, должно быть, изводит жара. Деревьям же это, судя по всему, не мешает – вон как разрослись.

Хидэёси был прав: в запущенном саду раскидистые ветки цеплялись друг за друга самым неопрятным образом.

– Завтра же велите их подстричь.

– Но сейчас время неподходящее для работ в саду, – возразила Тятя. – Надо дождаться четвертой луны.

Воин удивленно воззрился на девушку и, помолчав, произнес без тени улыбки:

– А вы, я вижу, неплохо осведомлены в этом деле, княжна.

Тятя действительно знала, когда следует и когда не следует срезать ветки, потому что любила болтать со старым садовником, но на комплимент Хидэёси Хасибы ничего не ответила.

---

⁴³ По древнему воинскому обычаю, глава клана держал у себя в замке семьи своих вассалов как залог преданности последних.

А он, еще раз попросив передать госпоже О-Ити наилучшие пожелания, удалился той же дорогой, что и пришел, отмахиваясь по пути от веток.

Тятя долго еще стояла и смотрела ему вслед, прежде чем заметила, что осталась на энгаве одна – сестры давно ускользнули в гостиную. Она чувствовала легкую усталость и с удовольствием присела бы отдохнуть, но что-то не позволяло ей расслабиться – как будто воин с молодым взглядом и стареющим лицом, похожим на маску, которая скрывает истинный мальчишеский облик, все еще стоял перед ней.

Тятя представляла себе Хидэёси Хасибу совсем не таким. Его первое замечание – «вы здорово подросли» – свидетельствовало о том, что он уже видел княжон Асаи раньше, но девушка не припоминала, чтобы они встречались. Во время ее первой поездки в Адзуту, вместе с Такацугу, Хидэёси штурмовал храм в Исияме, на земле Осаки, а во второй раз, когда на пиру у Нобунаги и на празднике Бон присутствовали многие именитые вассалы клана Ода, Хидэёси в их числе опять же быть не могло – он шел войной на Тюгоку. Значит, они точно не встречались.

В этом человеке не было ничего от того жестокого врага, который уничтожил ее клан и велел изрубить ее брата в куски. Не походил он и на взявшегося за меч простака крестьянина, каким рисовали его недоброжелатели из высшего сословия. Да и желания смеяться над ним, как в тот момент, когда она впервые услышала о его нежных чувствах к О-Ити, у Тяти больше не возникало. «Уродец», «обезьяна», «бесстрашный полководец», «несравненный тактик» – все эти эпитеты, бытовавшие в народе, тоже с ним не вязались. И Тятя, словно в забытьи, стояла на энгаве, перебирая в памяти свежие воспоминания о спокойной повадке Хидэёси и ощущении своего рода ласковой грусти, исходившей от него. Этот мужчина не был похож на воина – разве что колючий взгляд выдавал в нем человека, не раз ступавшего на поле брани. И если Тятя по-прежнему не испытывала к нему симпатии, то ненавидеть его уже не могла. Теперь ей предстояло переделать в своем сознании портрет Хидэёси Хасибы, который она нарисовала себе еще в раннем детстве.

Известие о визите Хидэёси повергло О-Ити в ужас. Охацу и Когоо расписали ей эту сцену в черных красках: перед ними, видите ли, явился злой дух. Когоо запомнила только его толстые пальцы, отвратительно выдающийся вперед кадык и огромные уши. Охацу заявила, что он по очереди рассматривал их, прожигая взглядом, с жестокой ухмылкой на губах.

– Наверное, он именно так смотрел на замок Одани, объятый пламенем, и на смерть бедного Мандзюмару, – добавила Охацу своим звонким голоском и содрогнулась всем телом.

Тятя помалкивала, удивленная тем, что у нее самой осталось совсем другое впечатление от Хидэёси. Ведь у него и впрямь толстые пальцы, слишком сильно выпирающий кадык и чересчур большие уши... И очень может быть, что на губах его играла жестокая ухмылка... Девушка попробовала представить себе Хидэёси таким, каким описали его сестры, но, странное дело, ничего отталкивающего в облике воина не нашла.

Она не одобряла поведения О-Ити. Мать определенно не разделяла мнения младших дочерей, но при этом и не сделала им ни единого осуждающего замечания – просто сидела и молча слушала. Образ Хидэёси сложился в сознании девочек под влиянием матери – это она хотела, чтобы дочери увидели в нем злого духа. Но так было раньше. А сейчас О-Ити предпочла воздержаться от комментариев по одной важной причине: она еще не знала, насколько высокое положение займет Хидэёси после смерти Нобунаги и в какой степени благополучие женщин из клана Асаи теперь будет зависеть от его милости.

Тятя признавала за матерью право ненавидеть Хидэёси, заклятого врага ее рода. Не вызывало у девушки нареканий и то, что О-Ити презирает наглеца, который, не смыв с себя крови мужчин Асаи, осмелился претендовать на ее руку и сердце. Не нравилось Тяте другое: мать повела себя как трусиха, испугалась новоприобретенного могущества Хидэёси. Раньше она, наверное, с тем же затаенным страхом смотрела на своего старшего брата Нобунагу.

– Но ведь господин Хасиба – единственный человек, навестивший нас в заточении. Никто из воинов и не подумал зайти поприветствовать нас! – воскликнула Тятя.

Встав на защиту военачальника, она тем самым выразила свой протест против всеобщего отрицательного настроения. Разумеется, Хидэёси привело к ним вульгарное желание увидеть О-Ити, девушка это прекрасно понимала, но ей очень уж хотелось сказать что-нибудь наперекор матери.

Тятя не отдавала себе отчета в истинных чувствах, побудивших ее взбунтоваться против родственников. Она просто-напросто находила поведение О-Ити и сестер неподобающим. Впрочем, Охацу и Когоо были слишком малы, чтобы обижаться на них. К тому же после всех превратностей судьбы, которые им довелось испытать, они и не могли отреагировать на появление Хидэёси Хасибы иначе.

Несколько дней спустя настала очередь Кадзумасу Такикавы, владевшего землями в Канто,⁴⁴ нанести визит в замок Киёсу. Весть о смерти Нобунаги застигла его в восточных провинциях, где он сражался с кланом Ходзэ, а потому не смог в срок прибыть в столицу. Битву с Ходзэ Такикава проиграл и в итоге до замка Киёсу добрался лишь в седьмом месяце. Одновременно с ним явились Нагаёси Мори из провинции Синано и Хидэёри Мори, хозяин замка Иида.

Благодаря прибытию этих полководцев из дальних краев стало наконец известно, что творится в остальных частях страны. Войска Токугавы и Ходзэ, восставших против единовластия клана Ода, атаковали, одно с юга, другое с севера, провинции Каи и Синано. Остро стоял вопрос о военных действиях в этих землях, но полководцам и самураям, собравшимся в Киёсу, надлежало в первую очередь решить задачу более важную: кого назначить главнокомандующим союзными войсками сейчас, когда Нобунага мертв, а его наследнику Самбосимару и трех лет не исполнилось. Ратники стояли лагерем у крепостных стен Киёсу, а во внутренних покоях замка полководцы днями напролет держали совет.

Слухи о том, что происходит вокруг, стали просачиваться и на женскую половину. По обрывкам сведений можно было судить, что назревают раздоры в кругу старых союзников. Между полками Кацуиэ Сибаты и Хидэёси Хасибы уже завязывались стычки, в воинской среде наблюдалось брожение.

О-Ити и три княжны по-прежнему вели тихую, незаметную жизнь в своих покоях на отшибе. Мать запретила дочерям выходить в сад, и отныне сестры проводили дни в сумрачной гостиной, смотревшей на закат. Жара в тот год стояла неслыханная, и, даже сидя без движения, девочки мгновенно покрывались потом.

О-Ити, зная, что в двух шагах от нее держат совет все видные вассалы клана Ода, места себе не находила от беспокойства. Что за вопросы там решаются, она даже представить себе не могла, зато прекрасно понимала: к какому бы решению воины ни пришли, оно непременно отразится на ее собственной судьбе и судьбе ее девочек. О-Ити понятия не имела, что уготовано им в будущем: останутся ли они в замке Киёсу, перевезут ли их в другое место? И тревоги матери передались княжнам. Теперь уже имена Сибата, Хасиба, Нобукацу и Нобухико Ода не сходили у них с языка.

В замке поговаривали, что пропасть, разделившая Кацуиэ Сибату, одного их самых влиятельных вассалов клана Ода, и Хидэёси Хасибу, который, можно сказать, в одиночку уладил все неприятности, последовавшие за самоубийством Нобунаги, и разгромил мятежное войско, собранное главным предателем Мицухидэ Акэти, растет неуклонно. На совете они каждый день вступали в противостояние. Рознь между Нобукацу и Нобухико, двумя сыновьями Нобунаги от разных женщин, тоже получила шумную огласку. Нобухико при этом поддержи-

---

⁴⁴ Канто – восточный район острова Хонсю, включавший в себя по старому делению провинции Сагами, Мусаси, Ава, Кадзуса, Симоса, Хитати, Кодзукэ и Симоцукэ.

вал Кацуиэ, тогда как Нобукацу сблизился с Хидэёси, и теперь две партии оспаривали друг у друга право на верховное главнокомандование войсками клана Ода, а также стремились взять на себя опеку над малолетним Самбосимару, наследником Нобунаги. Весь совет раскололся на фракции: одни стояли за Нобукацу, другие – за Нобухико, третьи пока что не определились.

О-Ити отдавала предпочтение Нобухико и ненавидела Нобукацу. Обоим ее племянникам было по двадцать пять лет. Нобукацу родила официальная супруга Нобунаги, он был единокровным братом покойного Нобутады, старшего сына и прямого наследника клана Ода, совершившего сэппуку вслед за отцом в Хоннодзи. Нобукацу увидел свет в один год с Нобухико, но был старше сводного брата на несколько месяцев, и по рождению право опекунства над маленьким Самбосимару принадлежало именно ему – законному сыну Нобунаги. Мать же Нобухико была всего лишь наложницей, тем не менее О-Ити ратовала за то, чтобы споры разрешились в его пользу. Во внешности Нобукацу не было ничего примечательного – те же правильные, отмеченные высокомерной холодностью черты, что у Нобунаги и его сестры О-Ити, к которой племянник проявлял леденящее равнодушие. Нобухико, выношенный низкоуродной матерью, отличался буйным нравом – что и неудивительно, ведь ему с детства приходилось сражаться за свое место в этом изменчивом мире, – зато тетушку О-Ити и ее дочерей он неизменно дарил вниманием и лаской.

Тятя и ее сестренки, впрочем, редко виделись с сыновьями Нобунаги, своими двоюродными братьями, но их симпатии тоже были на стороне Нобухико. Они и помнить-то не помнили, чтобы Нобукацу хоть раз перемолвился с ними словечком, а вот Нобухико при каждой встрече тепло приветствовал своих кузин.

Кацуиэ Сибата, союзник Нобухико, в равной степени внушал всем четверем дамам доверие, поскольку считался самым верным вассалом клана Ода. Тятя даже не знала, как он выглядит, но с детства это имя вызывало у нее ассоциации с отважным старым воином, преисполненным достоинства. Так что из двух кандидатов на пост главнокомандующего войсками клана Ода О-Ити сразу выбрала Кацуиэ Сибату. Хидэёси она считала злодеем и виновником гибели Одани, а Кацуиэ, тоже участвовавший в штурме, в ее глазах почему-то не был отмечен клеймом убийцы. К тому же Кацуиэ поддерживал Нобухико, то есть имел еще одно важное преимущество.

Три княжны всецело разделяли мнение матери. Тятя, хоть и не питала к Хидэёси неприязни, в отличие от своих родственниц, все же предпочитала видеть бразды правления в руках Кацуиэ Сибаты и Нобухико.

В первый день седьмой луны в Киёсу должно было состояться последнее, решающее заседание верховного военного совета по вопросу о наследовании власти, на котором надлежало присутствовать всем без исключения вассалам клана Ода. Несколькими днями раньше в замок прибыли Нобухико, Нобукацу, Кацуири Икэда, Дзюнкэй Цуцуи, Удзисато Гамоо, Ёри-така Хатия, Фудзихико Хосокава и прочие важные особы.

О-Ити и ее дочери не имели ни малейшего понятия о том, как протекает совет. Они знали только, что в этот день в том самом крыле, где они живут, идет важное обсуждение, исход которого предугадать невозможно. Летнее солнце нещадно жарило своими ослепительными лучами чисто выметенный двор. На территории замка царила напряженная тишина, нарушаемая лишь назойливым стрекотом цикад, подобным эху дождя. Даже боевые кони притихли, не подавали голоса. Вокруг не было ни единой живой души – вероятно, стражи получили приказ наглухо закрыть ворота внутреннего кольца укреплений.

Поздно вечером О-Ити сообщили, что ее хочет видеть Нобухико. Чело княгини омрачилось, но она не успела обдумать, чего следует ждать от визита племянника, – тот, весело улыбаясь, уже ворвался в женские покои, наступая на пятки гонцу, известившему о его приходе. Молодой воин непринужденно опустился на дзабутон, указанный тетушкой, вежливо поприветствовал родственниц и попросил княжон оставить его наедине с госпожой О-Ити. Тятя тот-

час увела сестренку в сад, рассудив, что лучше уж подышать вечерней прохладой, чем томиться взаперти в унылых внутренних помещениях. Их, однако, очень скоро позвали обратно в гостиную. Нобухико уже ушел. Мать сидела там одна, на ее лице застыло мрачное выражение.

– Присаживайтесь, девочки мои, – спокойно произнесла она. – Итак... Только что Нобухико просил меня стать второй женой господина Сибаты, и завтра мне надлежит дать ему ответ. Но прежде я бы хотела посоветоваться с вами.

Тятя онемела от изумления. Брачное предложение было совершенно неожиданным. Ее матушка должна стать женой Кацуиэ Сибаты?! До сих пор мысль о том, что О-Ити может выйти замуж во второй раз, не приходила ей в голову. Что до любовных чаяний Хидэёси, задумываться об их воплощении в жизнь было просто смешно. Конечно, девушка не видела ничего удивительного в том, что ее мать, красивая тридцатилетняя вдова, привлекает взоры воинов. Но заключить союз после смерти Нагамасы с другим мужчиной... Эту возможность Тятя даже не рассматривала.

– Теперь, когда господин Нобунага мертв, спокойному существованию, которое мы вели в этом замке, тоже настал конец. И дело не только в нас – сегодня Нобухико, Нобукацу и главные военачальники собрались здесь на совет по поводу наследования.

– Стало быть, проект вашего замужества был предложен на совете? – спросила Тятя.

– Едва ли. Но нам тоже следует сделать выбор и примкнуть к одному из двух лагерей, потому-то Нобухико и приходил просить моей руки для господина Сибаты.

– А вы сами, матушка, что об этом думаете?

– Я? – О-Ити на мгновение закрыла глаза, погружившись в свои мысли. – Я скажу вам об этом завтра. И вы, дети мои, тоже хорошенько все обдумайте. Единственное, что я знаю наверняка, – это что мы в любом случае не сможем остаться в Киёсу, поскольку отныне замок станет резиденцией Нобукацу.

– Нам придется уехать потому, что он будет здесь жить?

– Нет. Никто нас отсюда не выгонит, но мы не сможем вечно пребывать на его попечении. Если вы против моего брака, мы останемся здесь, но тогда будьте готовы к тому, что в нашей жизни произойдут значительные перемены.

Охацу и Когоо не способны были вымолвить ни слова и только растерянно переводили взгляд со старшей сестры на мать и обратно.

Решение, принятое на военном совете в тот день, и брачное предложение, переданное через Нобухико О-Ити, стали компромиссом, примирившим до поры до времени Кацуиэ Сибату и Хидэёси Хасибу. Маленький Самбо-симару был признан главой клана Ода, и ему предстояло вскорости переехать в Гифу. Охрана этой крепости на период восстановления Адзуты вменялась в обязанность Гэньи Маэде и Нагатаникаве Тамба-но-ками. Нобукацу и Нобухико оба стали опекунами малолетнего наследника. Кацуиэ, Хидэёси, Нагахидэ Ниве и Кацуири Икэде надлежало вернуться в свои владения – каждый из них пришлет своих официальных представителей в Киото и таким образом будет участвовать в управлении государством.

Это постановление было одобрено всеми членами совета и увековечено в письменном виде. Нобукацу сделался наместником провинции Синано, Нобухико досталась Овари, Хидэёси – Тамба; Кацуиэ был выделен доход в шестьдесят тысяч коку⁴⁵ с уезда Нагаханама в провинции Оми, Кацуири Икэде – сто двадцать тысяч коку с Осаки, Амагасаки и Хёго; Нагахидэ Ниве отошли два уезда – Такадзима и Сига в провинциях Вакаса и Оми; Кадзумасу Такикава получил прибавку в пятьдесят тысяч коку и северные уголья Исэ.

---

⁴⁵ Коку – мера риса; во времена Токугава один коку равнялся примерно 180 кг. Жалованье самураев и зажиточность даймё исчислялись в коку.

Тяте было невдомек, что значат все эти решения для полководцев и будущего страны, зато она понимала, что теперь Кацуиэ Сибата отправится на север, в свое княжество.⁴⁶ И если мать примет его брачное предложение, им снова придется скитаться, бежать на новое место, в далекие северные земли.

Девушка встала и в одиночестве вышла в сад, где совсем недавно вместе с сестрами ждала, когда закончится приватная беседа О-Ити и Нобухико. Еще вчера она горячо надеялась, что все военное могущество и вся власть клана Ода сосредоточатся в руках Кацуиэ Сибаты, теперь же никак не могла унять в душе тревогу при мысли о том, что надо доверить этому воину жизнь матери, сестер и свою собственную. Конечно, если мать откажется заключить с ним союз, их положение станет еще более шатким, а будущее – туманным, и все же Тяте мерещилась смутная опасность в том, чтобы связать свою судьбу с судьбой Кацуиэ Сибаты. Девушка и сама не сумела бы сказать, чего именно боится, просто на нее накатило дурное предчувствие – в точности как в тот миг, когда она узнала, что Такацугу воспользовался смутой, воспоследовавшей за самоубийством Нобунаги, и бросился отвоевывать свои владения.

Нет, определенно, связываться с Кацуиэ Сибатой – ошибка, неверный путь. У Тяти не было ни одной более или менее весомой причины так думать, ни единой крупницы сведений, на основании которых можно было бы усомниться в воинской доблести этого мужчины. Просто на подсознательном уровне будущее в компании Кацуиэ Сибаты казалось ей сумрачным и холодным. Точно так же несколькими днями раньше, стоя перед Хидээси Хасибой, она уловила исходившее от него ощущение надежности и света, а Кацуиэ был, как ей почудилось, окружен странным ореолом трагедии. Возможно, увидев внутренним зрением благоприятную ауру Хидээси, она невольно сгущает краски вокруг его противника? Как бы то ни было, ясно одно: что-то заставляет ее противиться союзу матери с Сибатой. Но ни матери, ни сестрам она не сможет внятно объяснить, что у нее на сердце...

В свое время Тятя невольно сравнила для себя поведение своего двоюродного брата Такацугу и Удзисато Гамоо после смерти Нобунаги Оды. И в первом и во втором случае предчувствия ее не обманули. Поступок Такацугу действительно оказался преждевременным и безрассудным, а Удзисато в выборе пути не ошибся.

Тятя остановилась под старым вязом в самой глубине сада, куда до сих пор не отваживалась забредать в одиночестве ночной порой. В дали пульсировали пятна света – это фонарики горели в гостиной, но силуэты матери и сестер она различить не могла, только слабые огоньки, отважно вступившие в поединок с мраком.

От матери Тятя узнала, что Удзисато Гамоо присутствовал на дневном совете. И сейчас ей в голову пришла мысль встретиться с ним, чтобы попросить о помощи. Молодой воин, заменивший на совещании вассалов дома Ода своего отца, казался ей в тот момент самым могущественным и заслуживающим доверия человеком. Ну конечно же! Кто еще распишет ей все за и против союза матери с господином Сибатой?

Она вернулась в гостиную. Сестры все еще сидели там – заметно взвинченные. Как ни гнала их О-Ити спать, они наотрез отказались ее покинуть, сославшись на то, что просто не в состоянии сомкнуть глаз.

Назавтра Тятя еще до полудня озаботилась отправить посланника к Удзисато. Если у господина Гамоо найдется свободное время, она бы очень хотела повидаться с ним; он может зайти на женскую половину, она, Тятя, сама готова нанести ему визит – остается только известить ее о том, где господину Гамоо будет удобнее встретиться.

Посланник вскоре вернулся с ответом: военный совет закончился еще накануне, у Удзисато нет никаких обязательств, и он сию же минуту заглянет к ней.

---

⁴⁶ Кацуиэ Сибата был князем Этидзэн (современная японская префектура Фукуи).

Тятя спешно велела прибраться в павильоне, которым они с матерью раньше не пользовались, и уселась там ждать Удзисато.

Молодой воин явился в походном платье и при оружии. Пришел один, без сопровождающих. Тятя встретила его у входа в павильон. Глядя на старого знакомого, она заметила, что в его манере держаться и разговаривать появилось больше солидности и достоинства. Теперь, в свои двадцать семь или двадцать восемь лет, Удзисато уже не был похож на молодого воина – он выглядел опытным полководцем.

– Рад вас видеть в добром здравии. Мне надлежало самому подумать о том, чтобы нанести вам визит, но цель моего пребывания в замке была столь важна, что я уж было собрался в обратный путь, дабы передать отцу постановление совета, когда неожиданно подоспело ваше приглашение, – сказал Удзисато, усевшись на выходящей в сад энгаве в официальной позе – спина прямая, ладони на коленях.

Извинившись за то, что позволила себе дерзость побеспокоить его, Тятя поведала о брачном предложении и спросила, что он об этом думает.

– Мне остается лишь поздравить вас со столь отрадным событием, – проговорил Удзисато.

Тятя ждала продолжения, но он молчал. Тогда девушка осмелилась уточнить:

– Так вы находите этот союз благоприятным?

– Это отрадное событие. Покойный властелин непременно возрадовался бы союзу своей сестры с воином столь отважным, как господин Сибата, который к тому же возьмет на себя заботу о вас и ваших сестрах.

Тяте в этом ответе почудилась некоторая натянутость. Как будто Удзисато о чем-то умалчивал.

– Ходят прискорбные слухи о разногласиях между господином Сибатой и другими вассалами моего покойного дяди, его превосходительства Нобунаги...

– Эти слухи совершенно беспочвенны. Как раз вчера мы поклялись объединить силы и плечом к плечу встать на защиту нашего юного господина Самбосимару.

– Но что нас ждет в будущем?

Если в будущем вспыхнут распри между вассалами, ничего более прискорбного для клана Ода, действительно, и придумать нельзя. Я, впрочем, убежден, что этого не случится.

– Господин Гамоо, вы одобряете союз моей матери с господином Сибатой? – Тятя сделала еще одну попытку выяснить истинное мнение воина.

– Для дома Ода это большое счастье.

Девушка и не думала сдаваться. Вперив взгляд в Удзисато, не шевелясь и не моргая, она принялась осыпать его вопросами, и с каждым словом лицо самурая становилось все суровее. Тятя не ожидала таких формальных, ничего не значащих ответов от человека его склада. Да и опытный полководец едва ли позволил бы себе быть столь оптимистичным. Послушать Удзисато, так дому Ода отныне ничто не угрожает! Но ведь никто на свете, и уж тем более он, не может верить в подобную чушь!

И снова сердце Тяти обожгло странное чувство враждебности по отношению к молодому полководцу, с таким просчитанным спокойствием и благоразумием отвечающему на ее вопросы. Быть может, это необходимость участвовать в военном совете заставила его превратиться в существо, лишенное простых человеческих эмоций; в таком случае подобное поведение – не что иное, как свидетельство незаурядного ума. Однако Тятя, поначалу растерявшаяся и заробевшая в присутствии этого мужчины, который даже не дрогнул под огнем ее вопросов, теперь уже не могла сдерживать раздражения. Отринув всякую надежду вызвать Удзисато на откровенность, она сменила тему беседы, заговорив о своем двоюродном брате:

– Я слышала о некоторых досадных обстоятельствах, в возникновении коих повинен господин Кёгоку...

Неужели почудилось или Удзисато действительно вздохнул с облегчением?

– Господин Кёгоку – человек смелый, – кивнул он.

– Будь у него хоть капля вашего благоразумия, он никогда бы не осмелился совершить поступок, оказавшийся большой ошибкой, – не без иронии заметила Тятя. – Любопытно, что с ним теперь? Если, конечно...

Она не успела высказать страшную догадку, которая вот уже много дней терзала ее воображение, – Удзисато так громко расхохотался, что девушка вздрогнула.

– Вы имеете в виду: если, конечно, он не совершил сэппуку?

– Да...

– Полно вам! Дражайший Такацугу не из таких. Он будет жить – ради того чтобы вернуть былое могущество клану Кёгоку, и скорее уж отдаст руку или ногу, нежели откажется от своей цели. Им руководит странного свойства смелость, почти одержимость, которая растворена в крови всех Кёгоку из провинции Оми.

Эти слова Удзисато озадачили девушку. Быть может, вот он, ключ к характеру Такацугу? А она-то думала, что, потерпев поражение, кузен направил свой меч против самого себя – что еще мог сделать отважный двадцатилетний воин, порывистый и преисполненный мрачной решимости, тот, кого она знала? Но, примерив к образу пылкого юноши стремление любой ценой возвеличить свой клан – то, о чем только что говорил Удзисато, – Тятя все поняла. Только одержимость идеей вернуть дому Кёгоку былую славу могла стать причиной его безрассудного решения, принятого сразу после событий в Хоннодзи, – присоединиться к мятежному Мицухидэ Акэти, чтобы пойти войной на замок Нагахана, принадлежащий Хидэёси, ближайшему соратнику Нобунаги!

Значит, есть надежда, что Такацугу жив... При мысли об этом в юном сердце всколыхнулось то странное чувство, которое, как Тяте казалось совсем недавно, исчезло навсегда.

– Вы полагаете, он жив? – спросила она, невольно затаив дыхание.

– Не сегодня завтра его возьмут под стражу. Он дерзнул напасть на замок Нагахана, и господин Хидэёси ему этого не простит. По всем провинциям разослан приказ перевернуть землю и небо в его поисках, гонцы отправлены в Оми и даже в самые дальние северные уезды, – ответил Удзисато ледяным тоном, пристально глядя Тяте в глаза. Девушка недоумевала, откуда в его взгляде столько жестокости.

– Но если господина Такацугу до сих пор не схватили, быть может, ему и теперь удастся уйти от преследователей?

– Только в том случае, если он найдет себе надежное убежище.

– А это невозможно?

– Отныне все центральные провинции пребывают под властью и неусыпным оком клана Ода. Если господин Кёгоку найдет верное укрытие, он, конечно, сумеет выжить – с его-то целеустремленностью и железной волей. Но в настоящий момент нет такого места, где он мог бы затаиться.

«Такое место есть! – мысленно возликовала Тятя. – Если моя матушка выйдет за Кацуиэ Сибату, Такацугу сможет спрятаться в его замке!»

Воинская доблесть и самурайские добродетели Удзисато давно покорили Тятю, но сейчас, размышляя о своем гонимом кузене, на которого была объявлена охота только потому, что он возмечтал вернуть собственному клану могущество, утраченное в эпоху междоусобных войн, девушка пришла к выводу, что Такацугу дороже ее сердцу.

– Прекрасно. Я посоветую матушке принять предложение господина Сибаты, – сказала она и, помедлив, добавила: – Это значит, что мы уедем в дальние земли и теперь уже не скоро свидимся с вами, господин Гамоо.

На чело воина набежала легкая тень. Ничего не изменилось – просто едва заметно дрогнули лицевые мышцы. Тятя невозмутимо смотрела на него.

– Еще раз низжайше прошу прощения за то, что вынудила вас прийти сюда.

Удзисато встал и церемонно распрощался, повторив, что сегодня же отбывает в Хино во главе своего отряда.

В тот вечер Хидэёси Хасиба покинул замок Киёсу и отправился в Нагахаму. Полководца сопровождали самураи Нагахидэ Нивы и Удзисато Гамоо, сплотившиеся вокруг него словно для того, чтобы защитить от внезапного нападения.

В ближайшие несколько дней все вассалы клана Ода, принимавшие участие в совете, вернулись в свои владения. Последним Киёсу покинул Кацуиэ Сибата. Накануне отъезда Тятя и ее сестры были представлены пятидесятитрехлетнему полководцу, которого отныне им предстояло называть «отцом».

– Зимы в северных краях суровые, а потому княжнам лучше отправиться в путь, не дожидаясь осени, – сказал он девушкам хрипловатым басом.

Тятя и ее сестрицы нашли, что жених матери выглядит старше своих лет. Высокий рост и безупречная выправка остались при нем, но усталость человека, растратившего жизнь в бесконечных битвах, не могла не сказаться на облике воина, некогда носившего прозвище Сибата-демон.

С первого взгляда Тятя прониклась к нему симпатией. Ей понравились немногословность этого мужчины и открытый взгляд, в котором, в отличие от взглядов других воинов, сквозила нежность, когда он смотрел на девушек. К тому же старик сохранил статью, гордую поступь и даже в приватной обстановке выглядел как полководец, держащий речь перед своими ратниками. Тятя пришла к выводу, что предчувствие беды, нахлынувшее, стоило ей услышать о союзе матери с Кацуиэ Сибатой, следует считать всего лишь игрой воображения.

Было решено, что свадебная церемония пройдет в крепости Гифу – резиденции Самбосимару и Нобухико, а после бракосочетания О-Ити с дочерьми в сопровождении Кацуиэ отправится в северные земли. Как только эта договоренность была достигнута, Кацуиэ поднял свое войско и пошел на клан Уэсуги.

Лето в тот год выдалось знойное, осень тоже обещала порадовать теплом. О свадьбе О-Ити было объявлено в половине восьмой луны, и в Киёсу со всех сторон стали прибывать поздравительные дары от знатных самураев.

Спустя месяц О-Ити с дочерьми выехала в Гифу. Ровно десять лет минуло с того дня, когда они поселились в Киёсу после падения замка Одани. За эти десять лет Тятя и Охацу два раза вырывались из крепостных стен, чтобы посетить Адзути; О-Ити и Когоо впервые покидали место своего изгнания.

Процессия из семи паланкинов, в которых несли О-Ити, княжон и дам из их свиты, двинулась в путь под охраной нескольких дюжин конных самураев в спешке, которая никак не соотносилась с брачным путешествием. Церемония состоялась в вечер их прибытия в Гифу, куда Кацуиэ приехал двумя днями раньше.

Тятя навоображала себе роскошный пир, но свадьбу сыграли на удивление скромно, в дальних покоях замка, словно это была некая тайная церемония. Кроме Нобухико, на ней присутствовали несколько незнакомых Тяте полководцев; их молчаливая сосредоточенность придавала торжеству атмосферу скорее военного совета, нежели бракосочетания. О-Ити в белом церемониальном кимоно с гербами была прекрасна, и Тяте оставалось только порадоваться этому чудесному преображению, но вскоре любящий взгляд старшей дочери снова различил извечную тень скорби, раз и навсегда объявшаую грациозный силуэт женщины, обреченной на изгнание.

Когда настала пора жениху и невесте обменяться чарками сакэ, Тятя невольно посмотрела на Кацуиэ – тот, слегка горбясь из-за высокого роста, протянул чарку О-Ити, и та приняла ее хрупкой, полупрозрачной, почти бесплотной рукой. Что-то в этой сцене – женщина в белом кимоно, легким жестом связавшая свою жизнь навечно, до последнего дня с высоким

стареющим воином, – взволновало Тятю. Смутное предчувствие, ощущение того, что выбран неправильный путь, снова обожгло сердце холодом, как в тот раз, когда она впервые услышала о возможности этого союза.

Когда обмен чарками состоялся, О-Ити обратила ясный взор к дочерям. Едва заметная улыбка, осветившая ее черты, словно бы говорила им: к радости ли, к печали, не ведаю, но жребий брошен. Охацу и Когоо тотчас заулыбались матери в ответ, и только Тятя все с той же серьезностью смотрела на нее не моргая.

После церемонии был устроен пир – в официальной обстановке и все в той же спешке. Не успев начаться, он закончился, и княжон препроводили в другие покои.

По изначальной договоренности О-Ити и ее дочери должны были отправиться после бракосочетания в северные земли вместе с Кацуиэ, но на следующий день тот уехал без них, в походном платье, во главе своего войска. Спешка и секретность, в которых прошла свадебная церемония, срочное отбытие Кацуиэ – все свидетельствовало о том, что надвигается угроза новой войны.

Спустя несколько дней дамские паланкины под охраной пяти десятков самураев, в свою очередь, покинули Гифу и взяли путь на север. Было начало десятого месяца. На третий день процессия приблизилась к деревушке Одани. Убаюканная покачиванием паланкина, Тятя проснулась, отодвинула полог и окинула взглядом родной край, где прошли первые семь лет ее жизни. От замка, гордо возвышавшегося на вершине горы, и следа не осталось – лишь пара каменных глыб, некогда лежавших в его основании. Три башни и крепостные стены сгорели в пламени битвы, в которой сложили головы мужчины клана Асаи. Хидэёси потом велел разобрать уцелевшую кладку – ему нужны были камни для постройки замка в Нагахаме. И только холм Торагодзэяма, зеленевший молодыми соснами и бамбуком, остался прежним. Местные крестьяне, чьи домишки теснились в былые времена на подступах к крепостным стенам, а ныне пришли в упадок, тоже переселились в Нагахаму, и лишь ветхие остовы хижин мрачно маячили здесь и там, напоминая о безвозвратно потерянном прошлом.

Все изменилось за десять лет. Клана Асаи больше не существовало, клан Такэда тоже был уничтожен. Нобунага, одержавший над ними верх, покончил с собой, и никто не ведал, какое будущее уготовано победоносному клану Ода. Когда процессия двигалась мимо того места, где раньше стояли внушительные въездные ворота замка Одани, Тятя попросила остановить ненадолго паланкины. Самурай, к которому она обратилась с этой просьбой, умчался вперед, к возглавлявшему процессию начальнику охраны, и вскоре вернулся с ответом:

– У нас мало времени, а путь впереди долгий, мы не можем задерживаться.

Тятя задумалась о причине отказа. Что это – нежелание матушки ступить на землю Асаи или же деликатность воинов, догадавшихся о ее чувствах?

Она представила мать внутри паланкина, который покачивался на дороге впереди. Конечно же с этим местом у госпожи О-Ити связано куда больше болезненных воспоминаний, чем у дочерей, и она боится разбередить свою память. Здесь, на этом холме, полегли все представители клана Асаи, начиная с ее мужа и свекра и заканчивая верными вассалами.

– Я бы хотела немножко пройтись. Велите остановить только мой паланкин. Мне и минутки хватит.

Тот же самурай, к которому снова обратилась Тятя, сделал знак носильщикам отделиться от процессии и опустить паланкин на обочине дороги. Тятя впервые после десяти лет, прожитых вдали, ступила на землю родной провинции. Под ногами поблескивал не растаявший за день иней – заросли бамбука надежно укрывали этот участок почвы от солнечных лучей. Княжна постояла немножко на выстуженной обочине, затем порыв ледяного ветра толкнул ее обратно, внутрь паланкина, счастливую оттого, что пусть всего на несколько мгновений, но она все же прикоснулась к земле, которая когда-то носила ее отца.

Заночевали путники в Киномото. Там их ждал высланный навстречу отряд, и на следующий день – до сумерек предстояло проделать еще шестнадцать ри – на дороге царило шумное оживление. По обеим сторонам крестьяне гнули спины на рисовых полях; кроме них, вокруг не было ни единой живой души. Зато чем дальше процессия продвигалась на север, тем чаще к ним стали присоединяться самураи, отряженные Сибатой. Свита жены и дочерей полководца неуклонно росла.

В день прибытия в Китаносё молочно-голубые просветы в небе то и дело затягивались, тучи одна за другой высыпались на землю тяжелыми крупными градинами, каких на восточном побережье отродясь никто не видал. Даже окрестные горы и доли, казалось, приняли ни с чем не сравнимые суровые очертания, вылепленные студеным северным ветром. Всякий раз, когда Тятя выглядывала наружу, у нее тоскливо щемило сердце при виде мрачных стылых пейзажей.

– Княжна, замок уже видно! – внезапно прозвучал мужской голос, и чья-то рука с вопиющей бесцеремонностью откинула полог ее паланкина.

Тятя смерила ледяным взглядом молодого самурая, гарцевавшего возле нее в самой гуще процессии. Раньше она его не встречала, но, судя по всему, он был отнюдь не выше рангом остальных всадников, которые до сих пор составляли ее эскорт. Решив, что с выяснением личности дерзкого воина можно подождать, девушка посмотрела туда, куда он указывал. Замок действительно был как на ладони, и гораздо ближе, чем она думала. Огромная, девятиярусная тэнсю подпирала небо, и от всей этой мощной цитадели, лишенной каких бы то ни было украшений, веяло суровой аскезой. Голая равнина, посреди которой высился замок, и сизые тучи над изогнутыми крышами лишь усиливали мрачное впечатление. Поля, простирившиеся вокруг, щетинились скирдами рисовой соломы, а над горизонтом, далеко на севере, вихрились мириады пылинок птичьих стай.

Тятя, не удостоив молодого самурая и словечком, одними глазами сделала ему знак опустить полог. Он тотчас повиновался, с неожиданной покорностью. Тятя еще не знала, что этот юноша с пронзительным взглядом – племянник Кацуиэ Сибаты Моримаса Сакума, воин, снискавший громкую славу в битвах.

Вечером того же дня, когда они прибыли в замок Китаносё, Кацуиэ, О-Ити и трем княжнам удалось наконец побыть наедине, насладиться семейной близостью в тихих покоях центральной башни. Отчим тогда показался Тяте совсем другим человеком, в нем не было ничего от того величественного полководца, с которым она познакомилась в Киёсу. Перед ней сидел добродушный старик, улыбался и благосклонно покачивал головой в ответ на каждое слово О-Ити и ее дочерей.

Тятя смотрела на его упертые ладонями в колени руки – кожу покрывают старческие пятна, кисти чересчур большие, широкие, пальцы толстые – и думала: неужели у всех мужчин, которые провели жизнь в сражениях, командуя войсками, такие огромные кулаки?

Первый вечер был омрачен одним происшествием. Явился гонец с посланием для Кацуиэ, и тот развернул свиток в присутствии супруги и падчериц. По мере того как он читал, его черты искажались гневом.

– Проклятая обезьяна! – Оскорбление сорвалось с губ полководца, словно стон. – Хидэси самочинно решил провести похороны нашего покойного господина в одиннадцатый день нынешнего месяца!

И снова в нем произошла перемена: добродушный старик исчез как не бывало, кровь бросилась ему в лицо, щеки запылали багровой яростью.

– Речь идет о похоронах моего старшего брата? – тихо спросила О-Ити.

– Да. Погребальная церемония назначена на одиннадцатое в храме Дайтоку и продлится несколько дней. Хидэси сам все устроил. Меня только что известили, что в столице это вызвало суматоху.

В тот миг живое воображение Тяти принялось рисовать виды Киото, столицы, в которой она никогда не бывала, но знала, что это город несравненной красоты и роскоши. Отсюда, из провинциального прибрежного замка, стынувшего под серым северным небом, Киото казался волшебным миражом. Сколько гор и рек надобно преодолеть, чтобы попасть туда! Киото недосяжим. И именно там через несколько дней должны состояться похороны ее дяди!

– Гнусная макака намеренно избавилась от всех вассалов господина Нобунаги, вынудив их вернуться в свои владения! Эта чертова обезьяна с самого начала собиралась единолично присутствовать на погребальном обряде! – прорычал Кацуиэ и, кликнув слуг, велел препроводить О-Ити с дочерьми в другую гостиную.

Отныне они вчетвером снова стали вести уединенную жизнь на женской половине замка. День за днем шли дожди. Здесь, в северных землях, в отличие от Киёсу, уже ничто не согревало их сердца, в садах росли одни сосны, горные сосны зеленели вокруг на скалистых склонах, и ветер, каждый вечер прилетающий с моря, уныло звенел изумрудными иголочками.

Болтушка-хохотушка Охацу, самая веселая из трех сестер, сделалась молчаливой, а Когоо, с рождения отличавшаяся сумрачным беспокойным нравом, так и не научилась смеяться. Девушки уже не могли, как в былые времена в Киёсу, проводить дни напролет подле матери. Ее место заняла Тятя, и теперь она заботилась о своих младшеньких.

Зато, если в Киёсу они были отрезаны от внешнего мира, здесь, в Китаносё, новости поступали к ним бесперебойно. Самураи, время от времени наносившие им визиты, и свитские дамы рассказывали о событиях в стране. Таким образом княгиня и ее дочери во всех подробностях узнали о похоронах Нобунаги в Дайтокудзи. Начиная с одиннадцатого дня десятой луны сотни буддийских монахов без усталости читали сутры, путь погребальной процессии, выступившей пятнадцатого числа из Дайтокудзи в Рэндайно, к месту упокоения полководца, был украшен ветками бамбука, по обеим сторонам дороги сооружены бамбуковые изгороди, у которых толпились десятки тысяч людей.

Ни единый человек из тех, кто рассказывал об этом княжнам и их матери, не скрывал своей ненависти к Хидэёси. Все были уверены, что Кацуиэ с помощью своих союзников Тосииэ Маэды, Кадзумасу Такикавы, Наримасы Сассы, Канэмори Нагатики и при поддержке Нобухико из Гифу в ближайшем будущем соберет армию и пойдет войной на Хидэёси. Как только слухи о назревающей битве распространились среди обитателей Китаносё, подросли и доказательства: в замок стали прибывать воины и полководцы из всех провинций северного побережья. В конце десятого месяца состоялся трехдневный военный совет. Сразу после его окончания Тосииэ Маэда, Наримаса Сасса и Канэмори Нагатика отбыли на запад, на переговоры с Хидэёси. Трое даймё были уполномочены устранить возникшее между Кацуиэ и Хидэёси непонимание и найти мирный выход из ситуации, дабы два лагеря могли снова объединиться и направить свои усилия на защиту и воспитание малолетнего наследника Нобунаги. На десятый день одиннадцатой луны Маэда со товарищи вернулся в Китаносё.

В замке вздохнули с облегчением – вроде бы все уладилось подобру-поздорову, однако и месяца не прошло, как стало известно, что Хидэёси затеял осаду Нагахамы в стремлении отвоювать свою крепость, доверенную военным советом в Киёсу попечительству Кацуиэ Сибаты. Кацумори, усыновленный наследник Кацуиэ, отчаянно защищал Нагахаму, но вынужден был сдать ее Хидэёси. После этого суэта в Китаносё лишь усилилась. Каждый день до Тяти доходили слухи об отправке посланников то к Иэясу Токугаве, то к Кагэкацу Уэсуги, давним врагам Кацуиэ, для мирных переговоров.

Однако главным событием того года, 10-го под девизом правления Тэнсё,⁴⁷ стало победоносное шествие Хидэёси во главе тридцатитысячного войска по провинции Мино. Он захватил на этих землях множество замков и обустроил свою резиденцию в Гифу. Самбосимару по его

---

⁴⁷ 1583 г.

приказу забрали у Нобухико и перевезли в Адзуту под опеку Нобукацу. Когда эта весть долетела до Этидзэн, замок Китаносё тонул в снегу, сугробы в округе достигали трех с половиной сяку⁴⁸ и не было никакой возможности собрать армию и вести ее на юг. Кацуиэ в ту пору сделался мрачным и замкнутым, приобрел привычку в полном одиночестве подниматься на сторожевые башни или на верхний ярус тэнсю и подолгу оставаться там, обозревая окрестности.

Однажды Тятя столкнулась с ним на галерее крепостной стены – отчим направлялся к угловой северо-западной башне.

– Ну как оно там, княжна? Не скучаете в этом замке, заваленном снегом?

Пока девушка обдумывала ответ, Кацуиэ предложил ей вместе подняться на смотровую площадку, и Тятя последовала за ним, в полумраке нащупывая ногами ступеньки.

Вокруг, насколько хватал глаз, простиралась снежная равнина, у подножия небольшого холма к северо-западу от замка текла речушка, бравшая начало из горячих подземных источников, – голубая ниточка, единственное пятнышко, осквернившее безупречно белый фон. На севере дремало Японское море, на юге, западе и востоке громоздились горы, скрывая своими заснеженными вершинами горизонт. Кацуиэ принялся указывать на пики, называя Тяте их имена, но та запомнила лишь Хакусан – до того их было много.

– Осталось потерпеть еще совсем чуть-чуть. С середины второго месяца погода начнет меняться, под третьей луной снегопадов уже не будет, – сказал Кацуиэ, не отрывая взгляда от зимних просторов. Помолчал немного и добавил: – Надобно дожидаться второго месяца. Середины второго месяца.

Тятя запрокинула голову, посмотрела на отчима. Эти слова предназначались не ей – он говорил сам с собой.

– С восходом второй луны вы станете собираться в поход, батюшка?

Кацуиэ с удивлением покосился на нее.

– Возможно, – кивнул он с серьезным видом и вдруг заглянул ей в глаза: – Вы ненавидите войны?

– Нет, – покачала головой Тятя. – Я ненавижу поражения.

Впервые за последнее время Кацуиэ расхохотался:

– Кто ж их любит? Вы, должно быть, замерзли. Пойдемте вниз, – и первым зашагал по ступенькам.

Тятя смотрела ему в спину, почти физически ощущая исходившее от всей этой высокой фигуры некое возвышенное одиночество, и вспомнила вдруг своего деда Хисамасу, виновного в гибели горной твердыни Одани.

На второй день Нового года в заснеженном замке устроили пир. Приглашены были хозяйка крепостей, рассеянных по побережью Японского моря, и многолюдное шумное празднество несколько часов продолжалось в церемониальном зале на последнем ярусе тэнсю под громогласные выкрики самураев, дружный хохот и бесконечные здравицы. Несмотря на царившую в зале атмосферу грубоватого солдатского веселья, Тятя, ее матушка и сестры получили удовольствие от этого вечера – ведь в их скучной уединенной жизни было так мало развлечений.

Праздничный гул смолкал лишь в те минуты, когда актеры театра Но являли гостям свое искусство. Подвыпившие провинциальные вояки, рассажанные согласно чинам и рангам, на это время замирали, боясь пошевелиться, и тарасились на танцоров, разинув рты. Были в этих людях какая-то странная робость и благочестие, столь характерные для самураев из северного прибрежного захолустья.

На протяжении всего пира Тятя пристально следила за Моримасой Сакумой. Поначалу статный молодой воин занимал место подле своего дяди Кацуиэ, затем, в разгар торжества,

---

⁴⁸ Сяку – японская мера длины, равная 30,3 см.

присоединился к самураям низшего ранга и предался возлияниям, позабыв обо всем на свете. Наконец, уже нетвердо держась на ногах, он направился к Тяте, уселся напротив нее и бесцеремонно протянул пустую чарку в ожидании, что девушка наполнит ее сакэ.

Тятя и не думала потакать его капризам. Одарив юношу ледяным взглядом, она презрительно отвернулась.

– В середине второго месяца мы отправляемся в поход. Дни мои сочтены. Неужто откажетесь наполнить чарку? Пусть это будет последнее приятное воспоминание, которое я унесу с собой из нашего изменчивого мира. Моримаса идет на смерть! Слышите? Не истечет и пары месяцев, как Моримаса сложит голову!

Тятя молчала. Поведение молодого воина, который бахвалится собственной смертью, очень ей не понравилось. Помолчав еще немного, она сердито осведомилась:

– И почему это вы непременно должны сложить голову?

– Потому что я хочу, княжна, чтобы вы и дальше мирно жили в этом замке.

– А умирать-то вам зачем?

Моримаса ответил, и взгляд его при этом был таким ясным, будто он и не пил сакэ:

– Хидэеси победит, только если я погибну. Знаете, какое мое самое заветное желание?

Чтобы на свете было два Моримасы!

Так и не дождавшись от Тяти добавки, он забрал свою пустую чарку и вернулся к товарищам по оружию.

Тятя полюбовалась еще одним выступлением актеров театра Но и покинула праздничный пир. У входа в женские покои она увидела Охацу. Младшая сестренка бросилась к ней со всех ног:

– Господин Такацугу!..

– Господин Такацугу? Здесь? – невольно воскликнула Тятя, впиваясь взглядом в лицо сестры.

– Да, он беседует с матушкой.

– Почему же ты стоишь тут, на галерее? Идем.

– Я... – Охацу так и осталась стоять у фусума.

Тятя одна вошла в гостиную. Такацугу сидел напротив ее матери, в официальной позе, ладони на коленях. Одета молодой человек был совсем просто и казался очень усталым, изможденным, но взор, который он устремил на Тятю, был все тем же – гордым взором наследника славного рода Кёгоку. В этом взоре пламенело ожесточение мятежника, а не загнанного зверя, не беглеца.

Тятя села перед ним, слегка опустив голову, чувствуя, как сердце ускоряет биение.

Такацугу тем временем продолжал разговор, обращаясь к своей тетушке:

– В последний раз я приходил к вам в Киёсу испросить совета о том, какой путь мне следует избрать. Сегодня меня привела к вам та же нужда.

О-Ити, прикрыв лицо рукавом кимоно, промолвила:

– Цель вашего прихода сюда понятна, нет смысла разъяснять ее. Я передам вашу просьбу моему супругу.

На некоторое время воцарилась тишина. Наконец Такацугу взглянул на Тятю:

– Вы, должно быть, считали меня погибшим?

– Нет, я ни на миг не усомнилась в том, что вы живы. А господин Гамоо заверил меня, что вы не покинете этот мир, пока былое могущество дома Кёгоку не будет восстановлено.

– Удзисато Гамоо?! – выдохнул Такацугу. – Когда вы с ним виделись?

– Вскоре после событий в Хоннодзи.

– Если я и жив до сих пор, то вовсе не по той причине, каковую открыл вам Удзисато Гамоо.

«А по какой же?» – Тятя вскинула на него глаза, в которых застыл этот немой вопрос. Она встретила взгляд Такацугу, наполненный странным светом ожесточения и одновременно печали.

– Я отказался от смерти вовсе не ради того, чтобы сражаться за честь своего клана.

– Ради чего же тогда?

Такацугу ничего не ответил. «Неужели он хотел сказать, что живет ради меня?» – подумала Тятя и чуть не задохнулась от разочарования. Такацугу тотчас показался ей скучным и никчемным человеком. «Какая прискорбная ошибка! Вы огорчаете меня, братец!» – эти обидные слова горели у нее на языке, и девушка с трудом поборолла желание выплюнуть их в лицо Такацугу, а потом вскочить и выбежать вон.

С того дня Такацугу поселился в дальних покоях замка Китаносё на правах гостя. Охацу и Когоо, обрадовавшиеся случаю развеять скуку, частенько наносили ему визиты, сам Такацугу нередко заглядывал на женскую половину, но Тятя не обменялась с ним и словом. Ореол героической славы и чести, в который она так долго облакала своего двоюродного брата, рассеялся без следа.

С восходом первой луны Хидэеси, в последнее время живший в Химэдзи, наведаясь в Киото, затем в Адзуги и вдруг девятого числа отдал приказ об общем сборе всех союзных войск. Армия нужна была ему для атаки на Кадзумасу Такикаву, и на седьмой день второй луны десятки тысяч ратников под его предводительством выступили в поход. Весть эта достигла Китаносё с десятидневным опозданием.

Во втором месяце снегопады поутихли, но северный замок в Этидзэн все еще был отрезан сугробами от внешнего мира. В покоях тэнсю военачальники день и ночь держали совет, выбирая благоприятный день для начала войны против Хидэеси. Вечерами в пределах крепостной стены загорались костры простых ратников, которые, не снимая доспехов, готовились ко сну под открытым небом; во всех гостевых покоях квартировали знатные самураи. И вот наконец, на рассвете двадцать восьмого дня второй луны, бой барабанов и трубный глас раковин торжественно возвестили сбор. Хидэеси уже захватил Нагахаму, заручился поддержкой Нобухико и теперь атаковал Такикаву, союзника Кацуиэ. Дольше оставаться в стороне Кацуиэ не мог. Со смотровой площадки тэнсю взору открывалась равнина, на которой тысячи людей расчищали снег – им предстояло открыть дорогу на Янагасэ, где должна была состояться битва, освободить от сугробов десятки ри заснеженного пространства.

На второй день третьей луны, едва занялась заря, первые отряды тронулись в путь во главе с Моримасой Сакумой. Если верить его пьяному бахвальству на новогоднем пиру, в тот день он выступил навстречу смерти. Тятя с сестрами поднялись на сторожевую башню. Колонна ратников растянулась на белой равнине тонкой длинной цепью. Силуэт молодого полководца навсегда запечатлелся в Тятиной памяти.

Через два дня настала очередь Кацуиэ покинуть Китаносё. Он повел за собой двадцать тысяч воинов – своих и Тосииэ Маэды. На сей раз Тятя с матушкой и сестрами вышла проводить отчима к воротам, у которых царила величайшая суета. Пятидесятичетырехлетний полководец держался в седле с горделивым достоинством, выпрямив спину, и ни разу не обернулся к О-Ити и ее дочерям. Всей армии понадобилось два часа, чтобы выйти за ворота. Когда последние ряды ратников исчезли из виду, О-Ити, Охацу и Когоо удалились в свои покои, а Тятя немного побродила в полном одиночестве по опустевшему центральному двору замка, припорошенному только что выпавшим снегом. Ступив на галерею, ведущую из внутреннего сада в гостиную, она увидела Такацугу, идущего ей навстречу и, слегка поклонившись, собралась было пройти мимо, но он ее окликнул:

– Княжна!

Девушка остановилась.

– Это сражение будет судьбоносным для вашей семьи.

Гадая, к чему он клонит, Тятя молча смотрела ему в глаза. Поколебавшись немного, Такацугу продолжил:

– Военным кланам не привыкать к победам и поражениям. Такова их участь. Вот и вам настала пора задуматься о том, что вы будете делать, когда битва закончится.

– Вы хотите сказать – когда мой батюшка потерпит поражение? – прямо спросила Тятя и потупилась. – Я уже знаю, что буду делать.

– Могу я полюбопытствовать, что именно?

– Я намерена разделить судьбу этого замка.

– И почему же, с таким-то образом мыслей, вы в свое время не разделили судьбу замка Одани?

– Тогда я была слишком маленькой. – Тятя подняла голову и теперь снова смотрела в лицо Такацугу. Нет сомнений – брачный союз ее матери с Кацуиэ Сибатой увлек их всех на неверный путь. Она знала, что так будет, с самого начала знала и все же подтолкнула мать к этому губительному решению. Она сделала это ради него, ради Такацугу, ради юноши с красивым печальным лицом, ради воина, который предпочел жизнь вечного изгнанника бесчестью смерти, отказался уйти, не исполнив своего предназначения, не подняв из пепла дом Кёгоку. Да, когда-то для нее не было в мире ничего прекраснее этого лица и она охотно согласилась бы снести любые удары судьбы, подвести под них не только себя, но и мать, и сестер, лишь бы это помогло Такацугу в осуществлении цели всей его жизни. Но теперь, глядя на него, Тятя чувствовала, как былая любовь обращается в ненависть. Она чувствовала, что ее предали.

– Ваша матушка вышла замуж всего-то полгода назад. Никто не требует от вас столь беззаветной преданности клану Сибата.

– И что же вы предлагаете? Бежать? Да знаете ли вы, что воины этого замка идут на смерть только ради того, чтобы мы могли спокойно жить?

– На смерть, говорите? Но если вам нужна моя жизнь, я готов отдать ее прямо сейчас!

В глазах Такацугу зажегся прежний огонь, и Тяте показалось, что свет от него окутал ее с головы до ног. Чтобы избавиться от этого наваждения, девушка устремилась в свои покои.

Вбежав в гостиную, она бросила Охацу:

– Приготовьтесь к визиту господина Такацугу, – и со злорадным удовольствием отметила, что при одном упоминании имени кузена личико сестрицы запыхало румянцем.

Моримаса Сакума, военачальник первой группы войск, ступил со своими ратниками на землю Оми в пятый день третьей луны и встал лагерем вблизи Янагасэ. Кацуиэ, взявший под командование основные силы, не заставил себя ждать – девятого числа его знамена взметнулись на горе Утинакао. С южной стороны он приказал возвести оборонительные укрепления и принялся ждать Хидэёси. Тот, самолично возглавив многотысячную армию, уже семнадцатого подошел к Янагасэ, но обмена ударами не последовало: его армия заняла позицию в виду объединенных сил Сибаты и Маэды и тоже возвела оборонительные укрепления.

Вести из Оми поступали в Китаносё ежедневно, но в депешах говорилось лишь о нехватке продовольствия, амуниции и прочего, о военных же действиях – ни слова. Мало-помалу нервное напряжение, царившее в замке, спало, весенние деньки продолжили свой безмятежный бег. Снегопады теперь налетали на Этидзэн совсем редко, первые солнечные лучи, еще чуть теплые, но уже возвещающие своим появлением воцарение весны, начали робко согревать стылую землю, а в середине третьего месяца во внутренних садах замка зазвучали птичьи трели. Тятя расспрашивала каждого встречного и поперечного, пытаясь выведать названия птиц, но никто не мог ей ответить.

На двадцатый день третьей луны после полудня в великой спешке примчался гонец на взмыленном коне с первыми боевыми сводками. Воспользовавшись тем, что Хидэёси бросил часть сил на штурм крепости Гифу, в которой заперся Нобухико, войска Маэды и Сибаты

пошли в наступление. Гонец покинул место событий накануне вечером, когда на горе Утинакао заканчивались последние приготовления к битве.

На следующий день два вестовых, загнав лошадей, привезли донесения о громких победах Моримасы Сакумы, но к полуночи прибыл третий с неожиданной новостью: войско Сакумы разгромлено, самураи Кацуиэ Сибаты отступают, гарнизону Китаносё приказано готовиться к осаде.

В замке поднялась суматоха, стены заходили ходуном, и лишь в покоях О-Ити и ее дочерей царило спокойствие. У Тяти было такое чувство, будто нечто долгожданное и неотвратимое наконец-то произошло.

Через несколько часов после прибытия третьего гонца, доложившего о поражении союзных войск, в весеннем предзвездном сумраке начали вырисовываться вдаль, на северном тракте, расплывчатые силуэты самураев, конных и пеших, бежавших с поля боя. Неверным шагом, едва держась на ногах от усталости, они входили в город у подножия замка группками по трое-четверо. Были среди них и люди Моримасы Сакумы, и воины Кацуиэ Сибаты. Они собирались на площади у главных ворот крепостной стены, где для них уже выставили котлы с едой. Грязные, оборванные самураи бродили вокруг котлов, точно бездомные собаки, а наевшись, растягивались на голой земле и тотчас засыпали от изнеможения.

Кто-то из беглецов рассказал, что враг преследовал их до самого Футю и все смешалось на дорогах – уже невозможно было различить, где свои, где чужие. Еще говорили, что волна скоро докатится и до Китаносё. О судьбе остальных полков армии Сибаты они не знали, не могли сказать и каким образом удалось Хидэёси нанести им столь сокрушительное поражение.

У самураев из охраны замка нашлось лишь одно объяснение: Хидэёси провел молниеносную атаку и тотчас бросил авангард своей армии на север. Значит, он очень скоро будет у стен Китаносё. Никто не ведал, жив ли Кацуиэ Сибата, главнокомандующий союзными войсками, и не сложил ли голову в бою Моримаса Сакума.

О-Ити и княжны начали спешно собираться в дорогу – в любой момент мог прибыть Кацуиэ и дать им распоряжение покинуть замок. Пока они хлопотали, на женскую половину явился самурай и сообщил, что господин Сибата уже вошел в город. О-Ити с дочерьми тотчас направилась по галерее к саду, и дальше, через главный двор к распахнутым въездным воротам первой линии укреплений – единственному освещенному бивачными кострами месту. Повсюду в замке, в покоях и под открытым небом, царила тьма. Вскоре они увидели, как на освещенное пространство ступили восемь боевых коней с всадниками, за ними – десятка четыре пеших воинов, и все остановились у костров. Верховые спешили. При них не было уже ни заплечных флажков, ни полковых штандартов. Но странное дело: ничто в облике и поведении самураев не напоминало о том, что это жалкие остатки разгромленной армии, – напротив, они были собранны и сосредоточены, будто прибыли на тайный военный совет.

Тятя не сводила глаз со своего отчима, приближавшегося к ней в неверных отблесках пламени, со сломанным копьём в руке. Печальное это было возвращение. Совсем не так он покидал замок пятьдесят дней назад, во главе двадцатитысячного войска, на боевом скакуне, из-под копыт которого разлетались хлопья снега. «Что случилось с отважными воинами, совсем недавно смыкавшими ряды вокруг него?» – думала девушка.

– Обезьяна расставила нам ловушку, – сказал Кацуиэ, ни к кому конкретно не обращаясь – ни к супруге, ни к падчерицам. Лицо стареющего военачальника побежденной армии было бесстрастно.

Четыре женщины молчали. Да и где бы они нашли слова утешения?

Кацуиэ в сопровождении нескольких самураев направился к тэнсю. О-Ити последовала за мужем, Тятя увела сестер на женскую половину.

Вскоре от придворных дам из свиты О-Ити княжны узнали, что замок уже взят в кольцо осады и бежать поздно.

В тот вечер Тятя и Охацу долго не могли заснуть, лежа друг подле друга на футонах,⁴⁹ расстеленных, как всегда, в их общей спальне.

А Когоо тотчас погрузилась в сон. Тятя завидовала младшей сестренке, которой достался такой невозмутимый характер, завидовала ее хладнокровию, не сказать – бесчувственности, которая и помогла ей заснуть, несмотря ни на что.

В темноте Тятя не видела лица Охацу, но знала, что она тоже не смыкает глаз. Вдруг девочка села на футоне, затем снова улеглась. Через какое-то время опять зашевелилась, собираясь встать.

– Не спится? – прошептала Тятя.

Охацу что-то пробормотала себе под нос, откинулась на подголовник и вдруг спросила:

– Что станется с господином Такацугу?

И тогда Тятя поняла, что сестре не дают заснуть мысли о двоюродном брате.

– Напрасно ты о нем беспокоишься, – ледяным тоном сказала она. – Я уверена, что именно сейчас он думает о том, как бы отсюда улизнуть.

Тятя и сама переживала за Такацугу, который нашел убежище в замке, обреченном на уничтожение, но не смогла удержаться от презрительного ответа, когда Охацу об этом заговорила. С другой стороны, ее слова были правдивы от начала и до конца: она действительно не сомневалась, что Такацугу готовится бежать из осажденной крепости. Ведь он предвидел такой оборот событий еще в тот день, когда Кацуиэ повел войска в Янагасэ, и даже советовал ей последовать его примеру и позаботиться о собственном спасении. Такацугу, впрочем, был не единственным, кто помышлял о бегстве. В ту самую ночь пусть на мгновение, но об этом задумались все обитатели замка.

После короткого обмена репликами сестры снова погрузились каждая в свои невеселые мысли. Сколько времени они пролежали так в ночном мраке, неизвестно, но внезапно Охацу подняла голову. Тятя тоже услышала тихий звук, как будто кто-то осторожно постучал костяшками пальцев по раме сёдзи со стороны сада. Стук повторился.

Охацу вскочила:

– Кто это может быть?

Тятя уже знала ответ: не кто иной, как Такацугу. Она тоже встала. Сестры легли спать одетыми и теперь не мешкая подбежали к сёдзи.

– Кто там? – громким шепотом спросила Тятя.

– Такацугу. Прошу прощения за то, что явился к вам среди ночи, но время не ждет, – прозвучал приглушенный голос из сада.

Охацу чуть-чуть отодвинула раму, оставив небольшую щелочку. Обычно им и в голову не приходило принимать меры предосторожности в Китаносё, но сегодня в замке царил необычная атмосфера. Перекличка часовых, звон оружия, конское ржание, тяжелые шаги в ночном мраке то ближе, то дальше – кто это, враг или друг?..

Такацугу стоял совсем рядом, на расстоянии кэна от девушек.

– Я пришел попрощаться. Сегодня ночью я убегу из замка, – без тени стыда сообщил юноша. – Вам же, княжны, бояться нечего – даже если Китаносё не выдержит осады, ничего дурного с вами не случится. Едва ли господин Сибата пожелает, чтобы вы последовали за ним прочь из этого мира, а уж Хидзэси... – Он не закончил мысль и, помолчав, снова заговорил: – В общем, хочу вас предостеречь от... неблагоприятных поступков. Замок обречен – не завтра, так послезавтра он будет в руках врагов, вам же нужно только тихо пересидеть штурм в своих покоях. Вот что я хотел вам сказать. Потому и осмелился побеспокоить вас среди ночи.

– Благодарим за ваше доброе отношение. Надеюсь, вы тоже воздержитесь от... неблагоприятных поступков. Куда вы собираетесь бежать? – Тятя не могла себе представить ни еди-

---

⁴⁹ Футон – стеганный тюфяк, служащий японцам также одеялом; в широком смысле – постель.

ного места в стране, где Такацугу мог бы чувствовать себя в безопасности. Да Хидэёси все острова вверх дном перевернет и не успокоится, пока не найдет его!

– Что ж, выбор у меня невелик. Какое-то время придется скрываться в Вакасе. – (Тасуко, старшая сестра Такацугу, вышла замуж за Гэммэя Такэду, даймё этой провинции.) – Надеюсь, мы еще свидимся. В один прекрасный день, когда вы и ждате-то меня перестанете, я вырасту перед вами, словно из-под земли, и попрошу убежища.

– Я была бы счастлива предоставить вам кров, но боюсь, что к тому времени меня уже...

– Что? – резко перебил Тятю Такацугу. – Не вздумайте сказать мне, что вы намерены покончить с собой! – И усмехнулся: – В наше смутное время человеку и тысячи жизней не хватит, коли он начнет расплачиваться ими за каждое поражение. Моя тетушка вышла за хозяйку этого замка каких-то полгода назад. У нее нет обязательств перед кланом мужа. С ней, так же как и с вами, я поговорю откровенно, чтобы вы все немедленно выбросили глупые мысли из головы. Я, Такацугу, буду жить! Слышите? Пусть на земле не останется ни деревца, ни былинки, за которыми можно схорониться, даже тогда я, Такацугу, не отрекнусь от своей воли к жизни! – И поскольку этим все было сказано, он с гордо поднятой головой исчез в ночном мраке, не забыв слегка поклониться кузинам и бросить на прощание: – До встречи. Когда-нибудь она непременно произойдет!

Тятя и Охацу какое-то время оторопело смотрели на то место, где он только что стоял. Младшая сестра первая пришла в себя и тоскливо спросила:

– Что же с нами будет?

– Я знаю одно: мы разделим судьбу этого замка, – заявила Тятя.

– Нет, я не хочу! – всхлипнула Охацу и в отчаянии замотала головой.

– Хочешь ты или не хочешь – у тебя нет выбора. Мы – часть семьи Сибата. Долг каждого члена семьи – следовать за своим господином и в жизни, и в смерти. Разве это не справедливо?

– Нет! Не хочу, не хочу!

– Если ты так боишься умереть, чего же стоишь тут? Догоняй Такацугу, удирай вместе с ним! – отрезала Тятя и, оставив сестру у раздвинутых сёдзи, вернулась на свой футон.

Когоо все так же безмятежно посапывала во сне, не ведая о том, что творится вокруг. «Должно быть, она – единственный человек, спокойно спящий этой ночью в замке», – подумала Тятя. Она слышала, как Охацу давится рыданиями, укладываясь рядом с Когоо. О чем бедняжка так горько плачет? О разлуке с Такацугу? О своей жестокой участи? Тятя не знала. Да и сама Охацу не смогла бы ответить на этот вопрос. Все беды навалились так неожиданно, что юное сердечко пятнадцатилетней девочки просто не сумело их вынести.

Тятя твердо решила последовать примеру О-Ити. Если мать отринет смерть, она, ее дочь, тоже будет жить; если мать покончит с собой, она, Тятя, не раздумывая вонзит в горло кинжал. Внезапно осознав, что в ее размышлениях не осталось места для отчима, девушка еще пуще опечалилась. Она вспомнила высокий силуэт Кацуиэ Сибаты в проеме главных ворот замка. Это было несколько часов назад. Он спешил в отблесках пламени... Сломанное копье в руке... Тогда при виде старого полководца у нее защемило сердце – она и сама не знала почему.

Задремавшую было девушку разбудил какой-то шум – оказалось, в спальню явились придворные дамы. Еще не рассвело. Женщины были в походных одеждах и при кинжалах, но все как одна умирали от страха.

– Враг занял холм Асиба! – загомонили они. – А в замке – небольшой гарнизон да горстка раненых самураев! Некому нас защитить! Что же с нами будет? Замок и дня не продержится...

Тятя вышла в сад и направилась к крепостной стене, чтобы подняться на сторожевую башню. По пути ей встретились несколько увечных, обессиленных воинов, накануне чудом добравшихся до замка. Боевые кони бродили по двору без привязи. Уже на подходе к башне девушке пришлось лавировать между вооруженными ратниками из гарнизона, в спешке сно-

вавшими туда-сюда, а уже возле самых ступенек ее повелительным окриком попытался остановить какой-то самурай и, обогнав, заступил дорогу:

– Княжна, здесь опасно, вернитесь в свои покои!

– Я только посмотрю одним глазком сверху и тотчас спущусь. Мне хочется в последний раз полюбоваться горами.

Воин молча посторонился, словно растерявшись от этих слов.

Заглянув в бойницу, Тятя и правда увидела в рассветной дымке на холме Асиба, что возвышался неподалеку от восточной стены замка, боевые стяги. Они полоскались на ветру так близко – казалось, протяни руку – и коснешься полотнищ. Значит, Хидэёси где-то там, на склоне. Тятя отчетливо вспомнила низенького полководца с хитрым худым лицом. Она видела его всего лишь раз, в прошлом году. Ей никак не удавалось себе представить, что именно это странный человечек нанес сокрушительное поражение ее отчиму, одержал победу в битве, гнал самураев Сибаты, Маэды и Сакумы до самой Этидзэн, встал лагерем вон там, совсем рядом, и готовится к нападению.

Тятя мысленно вернулась в тот день, когда она сказала Кацуиэ, что ненавидит не войны, а поражения. «Кто же их любит?» – рассмеялся он тогда, а теперь на его плечи легла неподъемная ноша проигранной битвы. Тяте всегда нравился этот стареющий воин, но сейчас он вдруг показался ей совершенно никчемным человеком. Высокий рост, стать, безупречная выправка, большие крепкие руки, лицо, так легко багровеющее от гнева... Как глупо!

Двадцать второй день четвертой луны прошел без столкновений. Вражеские лучники не выпустили ни единой стрелы, ни один ружейный выстрел не грянул с холма Асиба. Но осажденные знали, что главные воинские силы Хидэёси еще не подтянулись из Футю, что он собирает людей для решительного штурма и что ночью его армия безжалостной волной-цунами накроет замок.

До самого вечера раненые самураи, которым чудом удалось уйти от погони, прибывали из Янагасэ группами по тридцать, пятьдесят, сто человек. На закате в крепостных стенах томились уже около трех тысяч подданных даймё Этидзэн, включая детей, женщин и стариков. Самые преданные и влиятельные вассалы Кацуиэ, чьи имена Тяте уже не раз доводилось слышать, тоже находились в Китаносё, загнанные в ловушку, – здесь были Бункасай Накамура, Яэмон Сибата, Рокудзаэмон Уэмура, Кангоэй Мацудайра, Кюэй Мацуура, Дзюдзо Сакума, Осима Вакаса-но-ками...

Из покоев в покои перелетали самые разные слухи о других достойных воинах: такому-то удалось бежать, такой-то был схвачен в последний момент врагами и казнен. За достоверность этих известий никто не мог поручиться, но все как один старались поддерживать боевой дух защитников Китаносё.

Рассказывали, что Сингоро, наследный сын Осимы Вакаса-но-ками, не сумевший принять участие в сражении по причине тяжелого недуга, велел отнести себя в паланкине к крепостной стене и размашистыми мазками кисти начертал на главных въездных воротах такие слова: «Мне, Сингоро Осиме Вакаса-но-ками, болезнь помешала ступить на поле битвы при Янагасэ, но ничто не умалит моей решимости защищать этот замок!» А шестидесятилетний Рокудзаэмон Уэмура, которому предстояло оборонять южные ворота, облачился перед боем вместо доспехов в саван.

Той ночью три сестры снова спали в одной опочивальне. Тятя внезапно была разбужена конским ржанием и одиночными ружейными выстрелами. Охацу, измотанную долгим ночным бдением накануне, не потревожил этот шум, зато на сей раз проснулась Когоо, вскочила и какое-то время прислушивалась к переключке часовых и топоту копыт – эху войны, которое налетами приносил к женским покоям ветер.

– Опять дерутся, вот скукотища, – пробормотала она наконец и, сладко зевнув, улеглась на футон.

– Неужели тебя это ни капельки не беспокоит? – спросила Тятя.

– А чего беспокоиться? Этим горю не поможешь. Я все равно ничего не смогу изменить.

У Тяти хладнокровие Когоо вызвало приступ раздражения, а та, нимало не заботясь о чувствах старшей сестры, уже погрузилась в безмятежный сон.

Рядом на футоне заворочалась Охацу, открыла глаза и бросилась на шею Тяте, всхлипывая и жалуясь, что ей грустно. Уткнувшись носом в плечо старшей сестры, она долго рыдала, оплакивая жестокую судьбу, уготованную отчиму, давясь слезами, бормотала, что нет на свете никого несчастней ее, сестричек и бедной матушки, спрашивала, где Такацугу, и горевала о том, что он подвергается ужасным опасностям.

Тятя во многом разделяла тревоги сестры, но ее снова одолело раздражение. Что за плакса! Захотелось ударить хнычущую Охацу по спине и призвать ее взять себя в руки, проявить хоть немного достоинства.

После возвращения Кацуиэ в крепость О-Ити находилась при нем неотлучно. Непонятно было, кто кого от себя не отпускает, но, так или иначе, княжны не видели мать с тех пор, как они вместе ходили встречать отчима к главным воротам.

В ночь на двадцать второе число она неожиданно заглянула к дочерям. Долго смотрела на личики младших девочек, посапывавших во сне, и ласково сказала Тяте:

– Почему ты не спишь? Не бойся, все будет хорошо.

– Матушка, что вы станете делать, когда замок падет? Жестокие слова. Увы, Тятя не смогла сдержаться – ей нужно было задать вопрос прямо, воспользоваться ситуацией, чтобы узнать решение матери. О-Ити открыла было рот, собираясь ответить, но ни звука не сорвалось с ее губ – на них лишь расцвела улыбка, легкая, едва заметная в сиянии свечей. О-Ити тотчас покинула спальню, так ничего и не ответив, но Тятя уже поняла – по внутреннему свету, озарившему лицо матери, по безмятежной радости ее улыбки, – что она выбрала смерть. Иначе как объяснить эту улыбку, эту безмятежную радость? Матушка отреклась от жизни, заключила Тятя. А стало быть, и дочерям ничего не остается, кроме как умереть. Сделав этот вывод, она сразу почувствовала облегчение, куда-то ушли тревоги, одолевавшие ее в ту пору, когда она еще не знала, что делать – жить или умереть. Ближе к рассвету девушка задремала, но эти мысли преследовали ее даже во сне.

На следующий день ситуация вокруг Китаносё кардинально изменилась. Несметное войско Хидэёси, совершившее бросок из Футю, гигантским муравейником кишело у крепостных стен, перекрыв все пути к отступлению. По утру О-Ити снова пришла к дочерям, и всем четверым дамам строго настрого было запрещено покидать свои покои.

Враги открыли огонь в час Дракона. Дождей не было с самого начала четвертого месяца, солнце волнами изливало горячие лучи на внутренние сады замка. В сухом воздухе непрерывно звучали боевые кличи. Перепуганные княжны поначалу забились в уголок, но мало-помалу привыкли к крикам, свисту стрел и жужжанию пуль. Тятя, раздвинув сёдзи, в щелочку любовалась игрой солнечных зайчиков в листве деревьев. Эхо войны теперь казалось девушке далеким и оставляло ее почти равнодушной, ведь она уже выбрала смерть.

На исходе часа Дракона раздался громовой хор голосов, тотчас за ним – глухой удар. Затишье – и все повторилось. Вскоре княжны узнали, что это вражеские воины били тараном в ворота и внешний круг укреплений уже находится во власти противника. Самураи, заглянувшие на женскую половину проверить, все ли спокойно, рассказали, что войска Хидэёси лавиной хлынули в пролом и теперь заняли позиции в каких-то восьми дзё от внутренней крепостной стены, окружающей тэнсю.

С приближением часа Коня⁵⁰ шум сражения стих, уже не слышно было барабанного боя, дающего сигнал к атакам. Во вражеском стане на расчищенное пространство вывели двух плен-

---

⁵⁰ То есть к полудню. Час Коня – время с 12 до 14 часов дня.

ников – так, чтобы их видно было осажденным из замка. Дозорные узнали шестнадцатилетнего приемного сына Кацуиэ Сибаты и Моримасу Сакуму.

Проведав о том, что Моримаса сдался в руки врага живым, Тятя немало удивилась. В Китаносё на него возлагали вину за поражение при Янагасэ. Опьяненный своими первыми победами, он бросился преследовать врага, не вняв увещаниям Кацуиэ Сибаты и Тосииэ Маэды, в результате чего оставил неприкрытым тыл, и главной армии пришлось сдать свои позиции.

По рассказам самураев, наблюдавших со сторожевой башни за пленниками, высокий молодой воин со связанными за спиной руками остановился и обратил залитое кровью лицо к замку. Когда стражники хотели увлечь его за собой, он раскидал их ударами ноги и остался стоять на том же месте, широко открытыми глазами глядя на башню. «Да, именно так должен был повести себя Моримаса!» – подумала Тятя. Ей казалось, будто она видит эту сцену воочию.

После полудня продолжилось затишье. Время от времени до женских покоев долетали крики и звон оружия, свидетельствовавшие о единичных схватках, но вскоре все потонуло в реве бури, которая внезапно обрушилась на поле битвы, ломая ветви деревьев, срывая листья, разгоняя воинов.

В час Обезьяны⁵¹ О-Ити и ее дочерей препроводили в покои центральной башни. Спешные меры были приняты перед решающим штурмом, который должен был состояться, как ожидалось, на рассвете. Супругу хозяина замка, трех княжон и придворных дам укрыли в потайном помещении, устроенном под полом четвертого яруса. Тятя приникла к дощатой стене, но в прямоугольной бреши, образованной досками, увидела лишь колыхающееся море вражеских знамен.

Когда свечерело, на воинов, то и дело вступающих в схватку с противником, пролился дождь, и настала ночь, принесла с собой зловещий покой. В замке начался прощальный пир. На всех ярусах тэнсю под изогнутыми крышами, в сторожевых башнях, повсюду зазвучали оживленные голоса, провозглашавшие здравицы.

В приемном зале Кацуиэ, О-Ити и три княжны обменивались чарками сакэ в обществе Накамуры, Мацудайры и других знатных самураев высшего ранга.

Тятя, сидевшая напротив матери, смотрела, как Кацуиэ протягивает ей чарку сакэ. О-Ити поднесла чарку к губам, сделала два глотка и вернула ее супругу. Тот, в свою очередь, отпил несколько раз и передал Накамуре. Тятя уже видела этот ритуал на свадьбе матери и отчима, но сегодня, не в пример той сумрачной брачной церемонии, он, казалось, был преисполнен радости. Сторонний наблюдатель и не заподозрил бы, что это защитники и обитатели замка, обреченного на уничтожение, в последний раз пьют веселящее душу сакэ.

Тятя глаз не сводила с матери, но та, словно забыв о существовании трех дочерей, не удостоила их и взглядом с самого начала пира. Охацу, вдоволь нарыдавшаяся, как будто смирилась со своей участью и теперь все больше молчала, а ее просветленное личико хранило бесстрастное выражение. Верная себе Когоо была по-прежнему угрюма и равнодушна. Она, оказывается, верила, что с минуты на минуту придет посланник из вражеского лагеря и, как тогда, во время осады замка Одани, увезет с собой матушку, ее и сестриц, чтобы укрыть в безопасном месте. Когда Когоо наклонилась к Тяте и шепнула ей на ухо: «Посланник, должно быть, уже в пути, он едет за нами!» – та не смогла ответить и притворилась, будто ничего не услышала в шуме застольных бесед.

Вскоре воины, пирующие в сторожевых башнях, совсем разбуянились, гомон и крики набрали устрашающую силу. Накамура, отлучившийся ненадолго из зала, вернулся, пошептался с Кацуиэ, затем сказал что-то на ухо О-Ити. Та ответила едва заметным кивком.

Накамура подошел к княжнам, сел перед ними в официальной позе и проговорил:

---

⁵¹ Час Обезьяны – время с 4 до 6 часов вечера.

- Час настал. Вы должны попрощаться с бабушкой и матушкой.
- Прощаться? – оstonбeнeлa Кoгoo.

Взяв сестер за руки, Тятя заставила их подняться. «Пришло время умереть», – сказала она себе. Охацу и Когоо в молчании покорно последовали за старшей сестрой и, как она, молча уселись перед отчимом и матерью. В зале установилась тишина. Тятя чувствовала, что взгляды всех присутствующих устремлены на них. И впервые в этот вечер ей стало тепло от того, что матушка наконец-то тоже посмотрела на нее и на сестриц.

Три девушки почтительно поклонились О-Ити и Кацуиэ – Тятя первая, за ней Охацу и Когоо. Они хотели было вернуться на свои места, когда незаметно подкраившиеся самураи схватили всех троих за руки.

– Что вы делаете?! – закричала Тятя, а ее сестер уже тащили к лестнице, ведущей наружу; Когоо визжала и отбивалась, Охацу звала мать, захлебываясь слезами.

Когда до Тяти дошло, что их силой уведут в безопасное место, только их, а мать остается здесь, она начала сопротивляться с яростью отчаяния. Но два могучих воина легко, как пушинку, подхватили ее на руки, лишив всякой возможности освободиться, и вынесли из зала вслед за сестрами.

Самураи пересекли покои нижнего яруса, в которых продолжался пир, прошли по галерее, доставили девушек во внутренний сад и втокнули всех троих в один паланкин, который тотчас обступили со всех сторон носильщики и дюжина свитских дам. Отныне любые попытки сбежать теряли смысл.

Паланкин тотчас подняли в воздух несколько пар сильных рук, и к тому моменту, как княжнам удалось с грехом пополам усесться в шаткой тесноте, он уже миновал ворота внутренней крепостной стены замка. Остановились носильщики только один раз – перед тем как свитские дамы и самураи Сибаты вернулись в пределы внутреннего кольца укреплений и закрыли ворота за собой.

Вот уже и внешний рубеж обороны остался позади, а паланкин продолжал продвигаться вперед, не встречая препятствий. Княжны, содрогаясь в рыданиях, отодвинули полог, и перед их глазами, залитыми слезами отчаяния, предстало удивительное зрелище: в колеблющемся свете факелов вражеские воины молча расступались, освобождая дорогу.

Паланкин наконец остановился в виду лагеря Хидэёси у подножия Асибы, но девушки, обессиленные горем расставания с матерью, уже не смотрели наружу и не знали, где находятся. После часовой передышки носильщики продолжили бег. Княжны, до сих пор не проронившие ни слова, задремали, успокоенные покачиванием паланкина, который теперь уже не останавливался.

Торопливый летний рассвет настиг их в бамбуковых зарослях у подножия холма, и в тот же миг ветер принес эхо боевых кличей. Девушки подскочили на подушках, настороженно вслушиваясь, но крики смолкли так же внезапно, как зазвучали. Обогнув Асибу, паланкин опустился на землю в кругу крепостных стен буддийского монастыря на дальнем склоне.

Княжон впервые выпустили из паланкина. Уже совсем рассвело, утренний холод покалывал щеки. Девушек проводили в уединенные монастырские покои.

В тот день состоялся последний, решающий штурм Китаносё. Боевые кличи, которые три сестры слышали в дороге, был сигналом к атаке авангарда, устремившегося на приступ в час Тигра.⁵² В течение утра у всех ворот внутренней крепостной стены кипели жестокие бои, и к полудню нападавшие прорвались наконец на центральный двор замка.

Кацуиэ Сибата и три сотни самураев, укрепившиеся в главной башне, оказали яростное сопротивление, и воинам Хидэёси пришлось не раз штурмовать павильоны тэнсю, прежде чем они заняли нижние ярусы и добрались до самого верха.

---

⁵² Час Тигра – время с 4 до 6 утра.

Когда Кацуиэ начал приготовления к сэппуку, в живых оставалось не более трех десятков защитников замка – мужчин и женщин. О-Ити первой сложила прощальные строки:

Влечет нас дорогой забвенья
Роковой летней ночью Песнь соловья.

Затем кисть взял Кацуиэ и начертал ответ:

О горный соловей,
Пусть песня твоя в поднебесье
Вознесет имя той,
Что за мною пойдет
В эту ночь дорогой забвенья.⁵³

В час Обезьяны он дал приказ поджечь тэнсю. Пламя рьяно взялось за работу, и, когда клубы дыма достигли галереи верхнего яруса, Кацуиэ вспорол себе живот. О-Ити совершила самоубийство вослед. Кацуиэ было пятьдесят четыре года, О-Ити – тридцать семь. Помощь в исполнении обряда сэппуку оказывали Бункасай Накамура и Токуами, верные вассалы клана Сибата, которые остались со своим господином до конца.

В тот самый час Тятя и младшие сестры снова сели в паланкин, чтобы покинуть монастырь. Услышав возгласы и перешептывания среди сопровождавших их людей, Тятя отодвинула полог и увидела багровые сполохи, заполонившие полнеба. Вдали замок Китаносё умирал в тисках пламени. Девятирусная тэнсю уже обратилась в прах, и теперь огонь трудился над другими строениями.

Паланкин внезапно остановился. Княжнам велено было выйти и встать в окружении свитских дам на тропе, петлявшей меж рисовых полей, в стороне от главной дороги. Вскоре конный отряд из сотни верховых воинов промчался во весь опор на север, оставляя за собой клубы пыли. За ними прошла тысяча пеших ратников, разделенных на несколько полков. Тятя задержала взгляд на военачальнике, величаво выступавшем верхом на боевом коне в окружении пехотинцев. Она тотчас поняла, что это Хидзёси. Сжимая в руке вожжи, выпрямившись в седле, он проехал мимо, даже не взглянув на девушек. Совсем не таким Тятя его запомнила в тот день, когда он приходил с визитом на женскую половину замка Киёсу. Теперь этот прославленный полководец, хмурый и сосредоточенный, только что взявший штурмом крепость Китаносё, не тратя времени попусту, шел воевать замок Моримасы Сакумы.

Длинная колонна воинов исчезла вдали, и княжны снова сели в паланкин. Носильщики не останавливаясь миновали призамковые посадки Китаносё, на развалинах которого еще плясали языки пламени, и направились к Футю, время от времени делая передышки в попадавшихся на пути деревеньках. Ночью они нашли приют в большом крестьянском доме. Княжны до утра не смыкали глаз, лежа в полной тишине друг подле друга как мертвые, не обменявшись ни словечком.

Утром на энгаву ступил незнакомый воин. Он принес весть о самоубийстве их матери и отчима. Три сестры разрыдались. Охацу и Когоо плакали долго и безутешно, но Тятя очень быстро успокоилась.

– Утрите слезы, – сказала она. – Отныне мы одни на этом свете. Но коли матушка помогла нам уйти из замка, стало быть, она хотела, чтобы мы жили. Жили счастливо. Мы не вправе нарушить ее последнюю волю. Матушка не могла избежать горькой участи – долг велел ей

---

⁵³ Перевод В. Полякова.

следовать за супругом в жизни и в смерти, но она пожелала, чтобы мы, ее дочери, остались среди живых и извели счастье.

Когоо вскинула на сестру заплаканные глаза:

– Счастье? Что это такое?

Тятя не сразу нашлась с ответом, но Когоо и не настаивала, как будто уже сама все поняла.

Она лишь с робкой надеждой спросила:

– Матушка будет рада видеть нас счастливыми, да?

До сих пор хранившая молчание Охацу вдруг упрямо выпятила вперед мокрый от слез подбородок:

– Не знаю, дано ли мне обрести когда-нибудь счастье, но я выбираю жизнь. Я буду жить, что бы ни случилось!

Тятя вспомнила: то же самое недавно сказал Такацугу. Она же была настроена совершенно по-другому. Для нее слово «счастье» имело только одно значение – «победа». Ей и семнадцати лет не исполнилось, а поражения уже унесли жизни всех ее близких – отца Нагамасы, деда Хисамасы, дяди Нобунаги, а вот теперь отчима Кацуиэ и матери. Перед мысленным взором девушки встали два замка, сжигаемые пламенем. Один сгинул в огне вчера, другой – десять лет назад. Гибель одного окрасила багровыми отблесками небо среди бела дня, падение другого оплакал кроваво-алыми слезами ночной небосвод. При воспоминании о смертоносных пожарах, обративших в прах ее родных людей, крохотный огонек, в котором смешались гнев и скорбь, разгорелся в девичьем сердце.

III

В крестьянском доме, затерянном между Китаносё и Футю, Охацу, Когоо и Тятя провели два дня и продолжили путь. Величавое солнце, равнодушное к их горестям, согревало землю, ветерок нежно трепал молодую листву на деревьях у обочин дороги. Вскоре процессия из трех паланкинов в сопровождении конных стражей вступила в город, окруживший крепостные стены невеликого замка, и перед путниками открылись главные ворота резиденции Тосииэ Маэды.

Хозяином Футю был тот самый Маэда, который вместе с Кацуиэ командовал объединенной армией в битве при Янагасэ. Он, однако же, издавна водил дружбу с Хидэёси Хасибой, и, если в силу географического положения своих владений ему пришлось вступить в сговор с Кацуиэ, поднять оружие против Хидэёси и бросить собственные войска в упомянутую битву, это вовсе не означало, что он намерен был и в дальнейшем враждовать с полководцем, чьи могущество и власть без устали прирастали победами на поле брани. Напротив, после поражения при Янагасэ Маэда спешно разорвал союз с Кацуиэ, а Хидэёси великодушно закрыл глаза на его временное «сотрудничество» с врагом. Тосииэ Маэда, таким образом, показал себя лукавым приспособленцем, не допускающим тактических просчетов.

Тятю и ее сестер встретили с должным почтением и тотчас препроводили в отдельные покои на женской половине. На следующий же день их принял хозяин замка. Тятю уже случилось видеть в Китаносё этого пятидесятилетнего светлогокожего воина с приятным лицом, сохранившего в свои годы физическую силу и бодрость духа. В зал, где он ожидал их, девушка вошла, испытывая смешанные чувства. Маэда сражался с Хидэёси на стороне ее отчима, но в его глазах не было и тени стыда за поражение даже теперь, после того как Кацуиэ с супругой смыли позор собственной кровью...

Княжны медленно, одна за другой, приблизились, бесшумно, бесстрастно. С момента прибытия в замок они не перемолвились ни словом даже друг с другом, и равнодушные, написанное на их застывших, словно маски Но, лицах, не было наигранным.

– Милые княжны, я разделяю вашу скорбь, – хрипло проговорил Маэда.

Тятю, которой полагалось опустить очи долу, уставилась ему в лицо, не скрывая своего возмущения. При встречах в Китаносё этот самурай всегда занимал по отношению к ним место, отводящееся человеку более низкого общественного положения, ныне же все наоборот – почетное место принадлежит ему. Стало быть, их с сестрами лишили звания наследниц высокородного семейства!

– Моя дочь Омаа тоже была в осажденном Китаносё.

Я уж думал, что потерял ее, когда замок пал, но, хвала богам и бодхисаттвам, она вернулась этим утром живой и невредимой! Так что вы какое-то время проведете здесь под одной крышей.

Тятю и не знала, что дочь Тосииэ гостила в Китаносё.

– Безмерно счастлива слышать, что княжна Маэда благополучно возвратилась домой, – вежливо сказала она.

– Полагаю, вскорости вы переедете в Адзути, – продолжил Тосииэ более сухим, официальным тоном. – А пока вам придется пожить под моей опекой. Забудьте былые невзгоды – на все воля судьбы.

На этом аудиенция закончилась, княжны удалились. От одной из свитских дам Тятю узнала, что Омаа, третья дочь Тосииэ Маэды, была отправлена в Китаносё в начале года в качестве заложницы и просватана там за Дзюдзо Сакуму, вассала Кацуиэ. Жених погиб, защищая замок, а невесте удалось бежать вместе со служанкой как раз перед началом последнего штурма.

Тем же вечером Тятя случайно встретила Омаа во внутреннем саду. Обе девушки вздрогнули от неожиданности, слегка поклонились друг другу и пошли дальше, каждая своей дорогой, не вымолвив ни слова. Четырнадцатилетняя Омаа была довольно высокой для своего возраста и такой же светлокожей, как отец.

Тятя сказала себе, что, даже пребывая под одной крышей, они вряд ли сделаются подружками. В Китаносё Омаа, будучи заложницей, вела, без сомнения, очень скромную жизнь, теперь же они поменялись ролями. Отныне она, Тятя, и ее сестры – изгои, представительницы поверженного клана, пленницы, чья участь зависит от доброй или злой воли хозяина замка.

Через несколько дней после прибытия трех княжон в Футю Хидэёси, который, не успев разрушить Китаносё, бросился умирять Кагу и Ното, остановился на обратном пути у Маэды.

Случилось это в первый день пятой луны.

Услышав о прибытии злейшего врага, Охацу и Когоо побледнели и забились в угол, прижимаясь друг к дружке. Тятя не вполне понимала, что за чувства движут ее сестрами. Вероятно, некая смесь ненависти и страха, полагала она. Ее же отношение к Хидэёси было куда сложнее. Питать приязнь к истребителю семей Асаи и Сибата она, разумеется, не могла, но и возненавидеть этого человека ей тоже никак не удавалось.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.